

Леонид ИВАНОВ

СЕЗОН РАДОСТИ

СОВРЕМЕННАЯ
ПРОЗА

Современная проза (Четыре Четверти)

Леонид Иванов

Сезон радости

«Четыре четверти»

2026

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

Иванов Л. К.

Сезон радости / Л. К. Иванов — «Четыре четверти»,
2026 — (Современная проза (Четыре Четверти))

ISBN 978-985-581-817-6

«Сезон радости» — роман о времени, которое не лечит, о любви, которая не исчезает. Больничная палата, тяжёлая операция и неожиданная встреча. Это была она — его первая незабытая любовь Люся. И Вадим вдруг понимает: прошлое не просто стучится, оно врывается в его жизнь — с редакционной суетой в глубинке Русского Севера, где он, молодой практикант, учился писать живые истории о людях, где пахло типографской краской и свежими пирогами. Там же случился тот самый первый робкий поцелуй, который он помнил всю жизнь. Есть ли шанс у Люси вернуть тот единственный в жизни Вадима сезон радости?

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-817-6

© Иванов Л. К., 2026
© Четыре четверти, 2026

Содержание

Вспомнить хорошее	6
Проводы	8
Приезд	9
Первое утро	14
Развесёлое горемычное	17
Мастерица	23
Уроки по профессии	28
Разнос	31
Ваше благородие	34
Потенциал	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Леонид Иванов

Сезон радости

© Иванов Л. К., 2026

© ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2026

Вспомнить хорошее

Вадим Альбертович стоял у окна и бездумно смотрел на снующие по широкой улице машины. На этом шумном перекрёстке, где, несмотря на светофор, постоянно дежурили гаишники, просто так, создавая эффект присутствия, всё равно то и дело происходили аварии. Почти каждый день какой-нибудь лихач хотел проскочить на жёлтый и врезался в такого же лихача, летящего на всей скорости на едва загоревшийся зелёный. Три потока по каждому направлению на перекрёстке смешивались, автомобили перестраивались из ряда в ряд, надрывно сигналили друг другу, требуя проезда или возмущаясь поведением самых наглых, а при любой еле заметной заминке среди машин, то с одной стороны тротуара, то с другой торопились проскочить между ними суетливые пешеходы. Вот опять какая-то бабушка с тросточкой успела проковылять только до половины дорожного полотна, как чуть не попала под летящую на большой скорости иномарку. Водитель резко принял влево, чудом увернулся от идущего на поворот джипа, сделал длинный сердитый гудок и помчал дальше, а бабуля заковыляла на другую сторону улицы, даже не осознавая своей вины в чуть не произошедшей аварии.

Вот так же и мысли Вадима Альбертовича суетливо роились, обрываясь и смешиваясь. Какая-то идея, не успев оформиться, тут же забывалась, рождая что-то новое. Чтобы как-то совладать с собой, Вадим Альбертович попытался сосредоточиться на главном. Главным для него сейчас было обретение самообладания. Только что закончившаяся у вице-губернатора встреча напрочь выбила его из колеи.

Вот и всё! Вот и не нужен он больше с его опытом, с его знаниями. Вице-губернатор лукавил, говоря, что ему надо отдохнуть, особенно после такой тяжёлой операции, что он консультировался с заведующим и тот рекомендовал оформить инвалидность. Покой, покой и ещё раз покой, чтобы не вызвать рецидив.

Даже будучи опытным политиком, вице-губернатор, с которым были давно знакомы, врать вот так в открытую умел плохо. Он старался не смотреть в глаза, отводил взгляд в сторону, смотрел на висящие на стене большие часы, за окно, на свои ладони. Пальцы его то сплетались вместе, то постукивали по столу. Было видно, что вице-губернатор сам тяготится этим разговором, не решаясь между тем открыто заявить, что пришло время не профессионалов, а преданных дилетантов, умеющих вовремя поддакнуть и легко прогнуться под начальственный приказ.

– Понимаю, что моё мнение уже никого не интересует, а кого на моё место?

– Пока не определили, – развёл руками вице-губернатор. – Хотя есть пара-тройка крепких ребят на примете. Сам понимаешь, грядут выборы губернатора, будут серьёзные схватки. Твоя операция оказалась очень не кстати. Сейчас придётся пахать круглыми сутками. Есть слухи, что сюда ринутся варяги. Регион, сам понимаешь, очень привлекательный. Своей сильной оппозиции нет, но нагадить могут сильно. Нам же надо выстоять любой ценой, потому что дельных проектов затеяно очень много, да ты сам об этом хорошо знаешь.

– Наши из редакции не рассматриваются? – прямо спросил Вадим.

– Ничего определённого сказать не могу. Тут сейчас потребуются очень сильные политтехнологи. Задействуем мощные силы из Москвы.

– Я тебе не завидую, – сказал Вадим и поднялся первым.

– Ты давай лечись, отдыхай, набирайся сил. Нам такие кадры позарез нужны, – напутствовал вице-губернатор.

– Спасибо за заботу! Когда дела сдавать?

– Ты заявление напиши по состоянию здоровья. Дату пока не ставь, закроешь больничный, решим. Не рвись на работу. Отдыхай!

– Да я уж в больнице наотдыхался.

– Ты там, говорят, старую любовь встретил, – улыбнулся по-дружески вице-губернатор, обрадованный, что не пришлось долго уговаривать, давить, искать аргументы.

– Неужели тебе больше заняться нечем, как сплетни собирать?

– Личная жизнь ответственных сотрудников – тоже зона моей ответственности. Тем более мы же с тобой давние друзья. Вон как у тебя глаза-то сразу счастьем засияли!

– Да ладно! Просто случайно встретил старую знакомую. Ещё со студенческих пор. Только и делов-то. Завотделением её сиделкой для меня нанял, когда я после реанимации в себя приходил. Так что информация твоя не совсем точная.

– Ладно, не скромничай, не скромничай. Ну, будь здоров! – И протянул для прощания руку.

Больничный у Вадима ещё был не закрыт. Как сказал при выписке врач, месяца полтора он ещё будет находиться на амбулаторном лечении. По этой причине уволить его до закрытия больничного по закону не могут. Что-то успеть предпринять? Вряд ли. Всё уже решено. Наверняка, не сегодня-завтра правительство области на правах учредителя назначит кого-то на его место исполняющим обязанности. Интересно, кого хотят поставить на место редактора? Судя по всему, какого-нибудь политтехнолога из Москвы, а это значит, что ребятам тоже придётся искать новую работу. Вряд ли они смогут согласиться с политикой беспрекословного подчинения власти.

– А! – махнул рукой Вадим Альбертович. – Ребят охотно возьмут другие издания. Что касается его самого, была бы шея, хомут найдётся. В крайнем случае можно пойти на полную ставку в университет. И вообще, что там врач говорил про позитивный настрой? Советовал думать только о хорошем? Ну, значит, будем думать о хорошем. А что в его жизни было хорошего? Ой, да очень много! Но, вне всякого сомнения, наверное, самым хорошим периодом жизни была практика в районной газете.

Вадим прошёл к столу, сел в кресло и начал вспоминать те далёкие годы своей молодости.

Проводы

– Ну что ты меня будто на фронт провожаешь?

– Упаси господи! Что ты такое говоришь?

– Вот именно! Я же не на фронт еду, а на практику.

– Вадим! Мне кажется, ты просто сам не осознаёшь всей серьёзности того, что затеял. Ты же едешь в деревню! Я посмотрела, этого твоего Липиного Бора нет в энциклопедии, он даже на политической карте страны не обозначен. Ты никогда в деревне не бывал, не знаешь, с какими трудностями там столкнёшься, что за люди там живут. Ты же вырос в городе, в профессорской семье, а там совсем другая среда.

– Мама, может быть, ты не замечаешь, что я давно уже не ребёнок... – начал раздражаться Вадим.

– Сынок, для нас, для родителей, дети всегда остаются детьми. Даже очень взрослые.

– Мама, я уже взрослый. Ну что ты в самом деле? Я три года на флоте отслужил, не пропал. Знаешь, там было много деревенских. Очень, я тебе скажу, хорошие были ребята. Просто замечательные!

– Ой как бы мне хотелось верить, что и теперь тебе встретятся только добрые люди.

– Папа, ну хоть ты скажи своё веское слово.

Отец снял очки и с улыбкой сказал:

– Сын, ты же понимаешь, что у нас дома моё слово веским не бывает. Это не на кафедре. Здесь только у мамы аргументы веские. Но и ты постарайся её понять – один ты у нас. Мы привыкли, что ты всегда рядом, а тут на целый месяц уезжаешь. Я даже не уверен, что ты из той глухомани сможешь нам хотя бы раз в неделю звонить, чтобы мы знали, что у тебя всё хорошо.

Вечером Вадим записал в дневнике:

«Завтра начинается, наверное, главное в моей жизни событие 1975 года – практика в районной газете. Надеюсь, что мамины опасения окажутся беспочвенными и на моём пути будут встречаться только добрые люди».

Приезд

В Липин Бор Вадим приехал перед обедом. Их ПАЗик долго дребезжал плохо закрывающимися дверками, скрипел разбитой подвеской, натужно завывал на небольших подъёмах, лихо мчался вниз на спусках, и тогда казалось, что у него нет тормозов и сейчас это сооружение на колёсах на повороте вылетит через высокий бруствер расчищенной зимней дороги и начнёт озорно кувыркаться, как резвящийся жеребёнок. На спусках народ крепко сжимал в спрятанных в вязаные или меховые рукавицы ладонях поручни впереди стоящего сиденья, пристально всматривался через единственное не покрытое инеем лобовое стекло и облегчённо вздыхал, когда автобус делал плавный вираж и катил дальше по накатанной тряской колее.

По расписанию на двести километров пути отводилось шесть часов. Говорили, что летом в дождливую погоду нередко добирались и значительно дольше, особенно, если автобус где-то буксовал в глубокой, набитой грузовиками колее и пассажирам приходилось выходить в липкую грязь, чтобы подтолкнуть застрявшее транспортное средство. К этим приключениям все относились как неизбежному и за приключение не считали. Просто даже старенькие бабушки становились с боков или сзади и из всех подталкивали машину, помогая ей выбраться из густого месива. Но зимой, когда не было метелей, дорога содержалась в довольно сносном состоянии, чтобы не выбиваться из графика, за что водителей не только журили, но и наказывали, в крупных сёлах стояли по полчаса. За это время пассажиры, намёрзнувшись в холодном салоне, обогревались в магазинах у тёплых, обитых жёстью круглых печек, мужики сбивались в компании, чтобы принять что погорячее.

Во время третьей стоянки, когда до места оставалось ещё шестьдесят километров почти безлюдной дороги через болотистые и практически незаселённые леса, в стоящей посреди села чайной, возле которой была ничем не обозначенная остановка, в жидкий, зато довольно сладкий чай водочки добавили и бойкие женщины. После выпитого они сразу же покраснелись, сняли свои толстые платки, повязанные как-то по-особому – узлом на спине, чего никогда раньше Вадим в Ленинграде не видел, и заговорили громко, не стесняясь нескольких водителей грузовиков, что тоже сделали остановку: чайку испить да ноги размять. Вадим с нескрываемым любопытством осматривался, отмечая мысленно для своего дневника, который собирался ежедневно вести во время практики, репродукцию картины «Утро в сосновом бору» Ивана Шишкина на одной стене и его же «Рожь» – на другой.

– Странно, что в этих местах, где и так живут в окружении природы, стены украшают репродукциями известных пейзажей из собрания Третьяковской галереи, – думал Вадим. – Ведь могли же, например, купить «Незнакомку» или «Даная». Хотя нет! Даная для зала чайной слишком эротична, а красивых незнакомок тут, наверное, хватает и из числа местных девушек.

– Ну что? Все согрелись? Можем дальше ехать? – вывел из раздумья водитель. – Тогда предлагаю желающим сбегать в туалет, чтобы по дороге больше не останавливаться.

Народ начал подниматься из-за столов, запахивать полушубки, женщины ловко увязывать свои огромные платки. Выйдя на крыльцо, мужики потянулись за здание чайной, где стоял покосившийся сарайчик с выгоревшими от времени буквами М и Ж, но внутрь никто не заходил, все пристраивались возле дощатой стенки, где снег уже был жёлто-оранжевый.

Вадим по своей природной интеллигентности решил зайти внутрь, открыл щелястую дверь, ступил своими дорогими из натуральной кожи туфлями на жёлтый лёд, осмотрелся. Прямо перед ним было небольшое возвышение из таких же нестроганных досок с овальной формы отверстиями. Из них сталагмитами торчали вверх обильно поливаемые мочой отходы человеческой жизнедеятельности. Хотя ленинградские вокзалы, с которых ему нередко доводилось уезжать на электричках, тоже особой чистотой не отличались, такую картину Вадим видел в своей жизни впервые. И понял, что к этому, видимо, придётся привыкать.

Если до этой остановки в основном люди ехали молча, то ли ещё окончательно не проснувшись, потому что автобус отходил в шесть утра, то ли берегли тепло, и потому кутались в свои одежды носом, то теперь, когда дом был уже совсем рядом, да когда согрелись чаем и чем покрепче, молчал только он, присматриваясь к попутчикам. Но долго молчать ему не дали две бойких бабёнки.

– А Вы к кому такой красивый да обходительный едете? – спросила та, что сидела через проход. Вадим и в дороге, и в чайной не раз ловил на себе её испытывающий взгляд, но отводил глаза, опасаясь нежелательных расспросов.

– Поработать у вас хочу, – не желая ввязываться в долгую беседу, односложно ответил Вадим.

– Не учителем хоть? А то мой Санька говорит, что у них в школе учителя истории нету. Иван Михеич совсем занемог, а у других и так часов хоть отбавляй.

– А я что, похож на учителя?

– А чо? Похо-ож! Видно, что грамотный, вон и очки носите, даром что молодой. Вот только борода... Учителям вроде как и не положено бы.

– Отстань, Ленка, от хорошего человека. Чо привязалась? Он, может, проверяющий какой из области, а ты тайны выведать хошь, – вступилась в разговор вторая.

– Нет, проверяющие на самолёте летают. Им недосуг на автобусе трястись. Дак кем Вы у нас работать-то будите? Не врачом хоть? А то у нас ой как врачей не хватает. Ой, да у нас тут всех не хватает. Когда райён-то ликвидировали, все и поразъехались. А теперь вот опомнились, снова создали, а где специалистов взять, и не знают. Мудрецы! Ой, а Вы хоть не в райком, а то я, дура, разболталась тут.

– Нет, не в райком. В редакцию.

– Ой, а правда, ведь Люська Надина-то, – она повернулась к попутчице, – вчера к моей приходила, дак говорила, что в редакцию ждут кого-то из самого Ленинграда. Люськина мать-то в типографии работает, дак всё знает. Дак вы, значит, кареспандент будите?

– Ну, да, что-то в этом роде.

– Ой, вот девки-то у нас с ума посходят. Такой красавец да из самого Ленинграду! Ну, тут Вас сразу оженят. Вот Полинка-то моя мала ещё! Я бы такого зятя в дом без раздумий взяла.

– Ну и балаболка ты, Нюрка! – попыталась осадить товарку та, что сидела у окна. – Не вводи человека в смущение.

– А что? Я дело говорю. Ты глянь, у нас и ребят-то путёвых нету. А девок сколь? Школу возьми, Дом культуры, конторы опять же. Одни девки да бабы. А мужики всё работяги, а значит, пьют без меры.

– Да не все же пьют. Есть ведь и нормальные.

– Дак тех, нормальных-то, уж и захомутали давно. Холостых-то и нету почти. Только в редакции и остались. Ой, правда, в редакции-то только редактор да заместитель его женатые, а остальные-то все холостые. Ой, девки хвостами-то крутя-а-ат! Учителки особенно. Их по распределению-то вон сколько послали по три года отрабатывать после института. Кровь-то бурлит, особливо сейчас, весной, а женихов нетути. Ну, не промахнись, кареспандент! Ой, а жить-то где будите? В Доме колхозника-то дороговато. Может, баба Степанида постояльца пустит? Ужо-ко я у Люськи-то вечером вызнаю. Степанида-то – это баушка её по материнской линии. Ой, а Люська-то вот невеста дак невеста! Красавица – спасу нет! А умница-то какая! А работящая-то! И послушная – поперёк слова не скажет. И скромница, каких ноне уж и мало осталось. На фершала учится, а теперича-то на практике у нас. Вот ужо я Люське вечером расскажу, какой красавец к нам приехал. А ты тоже не робей, не прозевай девку-то, – тараторила она, то и дело незаметно для себя переходя то с уважительного вы на дружеское ты. – А вот и редакция нашей газеты, – показала она вскоре на двухэтажное здание с резными наличниками, что стояло чуть в стороне от дороги на краю соснового бора. – Тебе, милоч, поди сна-

чала-то надо начальству показаться. Может, они с жильём што уже и решили, а то скажи, что посоветовала тебе Нюрка Кораблиха у Надиной бабки про угол-то поспросить. Надежда-то, не забудь, в типографии работает.

* * *

Редактор оказался всего на несколько лет старше Вадима, но уже с большими залысинами. Встретил радушно, крепко пожал руку:

– Василий Дмитриевич. Можно просто Вася, правда, ребята больше Дмитричем зовут. Я, честно говоря, до этой минуты не верил, что приедешь. Думал, испугает тебя глухомань. Вы же все в столичные газеты норовите попасть, а ещё лучше собкорами за границу, так что практику в районе избегаете, предпочитая в какой-нибудь многотиражке месяц поболтаться вместо настоящей работы. Но я тебе откровенно скажу, настоящая журналистика начинается в районной газете.

– Да мне это и наш завкафедрой много раз говорил. Может, слышали – профессор Прицкер.

– Да не просто слышал. Я же тоже ленинградский журфак заканчивал. Правда, заочно. А Прицкеру историю журналистики сдавал. Заметь, с первого раза.

– Да, это не просто, – засмеялся Вадим, потому что профессор Прицкер слыл человеком очень придиричивым и терпеть не мог лень. Зато даровитых различал за версту и потом старался помочь им устроиться в хорошие газеты. Вот и Вадима он выделил с первого курса и относился к нему по-отечески заботливо. Не исключено, что помимо старания не последнюю роль играло и происхождение, поскольку отец – профессор Раевский – тоже в научных кругах Ленинграда, а тем более университета, человеком был известным.

– Пойдём, я тебя с коллективом познакомлю. Правда, половина сегодня в разъездах – в колхозах идут отчётно-выборные собрания, так что они там, проникаются духом народным. Так-то люди не больно откровенны с нашим братом – корреспондентом, зато на собраниях говорят откровенно, без экивоков. А вот и наш заместитель, заведующий отделом партийной жизни Николай Семёнович Кузовкин. Это наш аксакал, ум, честь и совесть нашей редакции.

Аксакалу было меньше сорока, но показался он чересчур солидным, в застёгнутом на все пуговицы костюме, тугой узел галстука крепко поддерживал воротник белой рубашки. Зам без улыбки протянул руку:

– Будем знакомы! – и пошёл вниз по лестнице.

– Не обращай внимания на его сдержанность. Он человек серьёзный. Коллектив у нас маленький, никак штат укомплектовать не можем. Сергей и Вася вернутся за полночь. Собрания у нас – это, старик, целая песня! Сначала целый день ругаются, потом празднуют. Думаю, нашим завтра с утра будет очень плохо. Ну, пойдём заодно типографию покажу. Семёныч у нас сегодня за ответсека номер делает, ответсек Алик к матери уехал, захворала сильно, отпуск взял на две недели. Тут все по необходимости друг друга заменяют. Особенно летом. Кстати, старик, мы пока ничего не предприняли, чтобы тебя на квартиру устроить. Хоромов предложить не смогу, но, думаю, за пару дней что-нибудь подыщем. Я же говорю, что мы не очень верили, что приедешь. Пока можешь вот на этом диване перекаптоваться. На нём многие приезжие спали. Даже Николай Рубцов пару раз ночевал, когда к нам сюда приезжал. Вот у этой самой печки и написал:

Сижу в гостинице районной,
Курю, читаю, печь топлю,
Наверно, будет ночь бессонной,
Я так порой не спать люблю!

Да как же спать, когда из мрака
Мне будто слышен глас веков,
И свет соседнего барака
Ещё горит во мгле снегов.

Пусть завтра будет путь морозен,
Пусть буду, может быть, угрюм,
Я не просплю сказанье сосен,
Старинных сосен долгий шум...

Редактор нараспев продекламировал стихи, которые Вадим вроде бы уже где-то слышал раньше. Про Рубцова знал только, что он какое-то время жил в Ленинграде, работал то ли дворником, то ли кочегаром, потом учился в Москве, в литературном институте, много пил, предсказал свою смерть стихотворением «Умру в крещенские морозы», и будто бы именно в Крещенский праздник как-то нелепо завершилась его жизнь на крутом творческом взлёте. Да, ещё ходило по рукам переписанное множеством почерков его саркастическое стихотворение «Жалоба алкоголика». Его Вадим запомнил как-то сразу, с первого прочтения, когда попал в руки лист с отпечатанным на машинке еле читаемым текстом:

Ах, что я делаю, зачем я мучаю
Больной и маленький свой организм?
Ах, по какому же такому случаю?
Ведь люди борются за коммунизм!

Скот размножается, пшеница мелется,
И все на правильном таком пути...
Так замети меня, метель-метелица,
Ох, замети меня, ох, замети!..

Вадим понимал, что это стихотворение никогда не будет опубликовано ни в одном толстом журнале или книге, что ему так и суждено остаться, может быть, одним из самых известных, но никогда не напечатанных, потому что было идеологически не выдержанным, не прославляло достижения советского народа. И вот ведь как бывает, жизнь забросила его в глухомань, удостоенной рубцовского стихотворения, где ему придётся спать на том же с откидными валиками и высокой спинкой диване, на котором коротал свои бессонные ночи певец русской деревни. «Надо обязательно занести в дневник», – подумал Вадим и извинился, что, задумавшись, не расслышал вопроса редактора.

– Я спрашиваю, пообедал или с автобуса прямо сюда?

– Нет, спасибо, мы в дороге делали остановку. Я там поел.

– Ну, смотри, а то у нас тут тоже чайная в центре. Через парк, – он показал рукой направление, – метров триста. Но лучше всего обедать в леспромхозовской. Там и вкуснее, и дешевле. Это в другой стороне. Ребята завтра покажут. Кстати, старик, чайная до семи часов. Не опоздай. А пока можешь полистать подшивку, посмотреть, чем живём, о чём пишем. Войти в курс дела, познакомиться с районом. Завтра у тебя день для знакомства с райцентром и с народом, а послезавтра куда-нибудь съездишь. Тебе что больше по душе – леспромхоз, колхоз или культура? С последней, правда, у нас совсем небогато. Артисты сюда не едут, только своя самодеятельность. Но самодеятельность, старик, я тебе скажу, замечательная! Да ты вроде и сам того... – он показал на чехол гитары. – Играешь?

– Немного.

– Ну, будешь у нас первым парнем! Вот тебе стол, вот пишущая машинка. Умеешь?

– Конечно!

– Молодец! Располагайся, я пока пойду подумаю насчёт жилья.

– Мне попутчица говорила что-то про какую-то бабушку сотрудницы типографии. Надежда вроде. У неё ещё дочь в медицинском учится.

– О! Ты уже и про девушек наших справки навёл? – рассмеялся редактор.

– Да нет, Василий Дмитриевич! Это всё мне попутчицы рассказали, даже чуть ли не сватали, – заулыбался Вадим.

– Тогда пойдём к Надежде. Сразу и познакомлю, и про устройство спросим.

Надежда оказалась верстальщицей. Когда они заходили в комнату вёрстки, эта молодая женщина лишь мельком посмотрела на вошедших, пробормотала в ответ приветствие и снова чёрными от типографской краски руками стала менять отлитые на линолите строчки в готовой полосе очередного номера. Похоже, что отвлекаться на гостей ей было некогда. Но на этот раз, когда редактор обратился к ней с вопросом, правда ли, что её мать может пустить постояльца, внимательно посмотрела на приезжего. Вадим от смущения поправил очки, пригладил свою шкиперскую бородку. Этой бородкой Вадим гордился среди юных сокурсников, которых был почти на четыре года старше, потому что поступил учиться после трёх лет службы на флоте.

– Спрошу вечером, – пообещала Надежда. – Если не пьёт, не курит, дак чего же не пустить. Места, поди, не жалко. Одна в доме живёт, а так, может, хоть дров из сарайки принесёт да снег с дорожки очистит.

– Конечно, конечно, – заторопился Вадим. – Я, правду сказать, в деревне никогда не бывал, но думаю, снег чистить дело не хитрое.

– Переговорю, чего же не спросить. Завтра скажу ответ. – И она снова отвернулась к верстаку с гранками.

Первое утро

Ночь Вадим спал плохо. Диван даже с откинутыми валиками для его высокого роста оказался коротковат, чтобы голова не проваливалась вниз, пришлось положить в изголовье две прошлогодние подшивки. Перед этим одну из них внимательно полистал, изучая по названиям деревень и колхозов географию района, знакомясь с будущими собратьями по перу по их публикациям. Сморил уже далеко за полночь.

Снился родной Ленинград, будто стоит он на набережной Невы возле Дворцового моста в ожидании, когда опустятся его вздёрнутые вверх створки, чтобы перейти на Васильевский и согреться от пронизывающего ветра в здании университета. И вдруг в эту тишину ночи ворвался раскатистый грохот выстрелившей пушки.

– Странно, – подумал Вадим, – ведь пушка стреляет в полдень, а сейчас ночь, – и тут же проснулся. Оказывается, кто-то скинул на железный лист перед печкой охапку дров и теперь шуршит бумагой, растапливая столбянку.

– Здравствуйте, – поздоровался Вадим с маленькой старушкой, занятой привычным делом.

– Фу, ты! – отшатнулась старушка и, не удержавшись, приземлилась на мягкое место. – Напугал старую до смерти. Ты откель тут взялси-то, бородатый такой да огромный?

– На практику к вам приехал.

– Да сказывали мне вчерась, только не знала, што ты тут ночевать будешь, – она проворно поднялась, подкинула в топку несколько полешков, которые тут же стало лизать весёлое пламя, занявшееся от скомканной бумаги да сухих щепок. – Да ты пошто тут-то ночевал? Сказывали, к Степаниде квартиранта определили.

Вадим поразился, насколько быстро распространяется тут информация. Он ещё и сам ничего не знает, а люди уже обсуждают, как новость районного масштаба.

– Ты, мил человек, вон чайник бери, а я счас оладушек принесу.

– Да спасибо! Не стоит беспокоиться, – запротестовал было Вадим.

– А и не беспокойство то совсем. И я с тобой за компанию-то попью. Всё лучше, чем одной дома.

Она ещё раз посмотрела на хорошо разгорающиеся дрова и ушла домой. Не успел чайник вскипеть, как она вернулась с укутанной в полотенце тарелкой с оладьями. Едва усьелись пить чай, как неслышно открылась дверь, и в кабинет прямо-таки влетела разругавшаяся с мороза красивая девушка.

– Здрасьте! – громко поздоровалась она, и сидевшая спиной ко входу уборщица чуть не выронила из рук чашку.

– Да штоб вас, окаянные! Опять до смерти старуху напугали! Люська, ты шалопутная, не могла поаккуратнее-то?

– Да я, баба Дуня, стучала, только вы не слышали. Там же дверь-то дерматином обита.

Девушка подбежала к старушке, обняла её:

– Да как же Вас, баба Дуня, напугать-то можно? Вы же у нас ничего не боитесь.

– Да с вами тут забоишься. Один, как лешак, весь лохматый да бородатый из темноты выходит, пугает, потом другая налетает да над ухом гаркает, – добродушно заворчала техничка. – Ты што в этакую рань-то припёрлась?

– Так меня бабушка за квартирантом отправила. Это ведь Вы у моей бабули жить будете? – повернулась девушка к Вадиму. – Вот меня и отправили, чтобы я Вас привела чаю попить. Чайная-то у нас только с девяти открывается.

– Спасибо, меня вот уже Евдокия Ивановна свежими оладьями потчует.

– Садись-ко и ты к нам, шалопутная, – пригласила техничка.

– Да нет, спасибо, баба Дуня. Меня за квартирантом отправили, чтобы я дорогу показала и вещи нести помогла.

– Вещей-то у меня, собственно, вот только сумка одна. Я сам донесу, а дорогу покажите. Пожалуйста.

– Да тут недалеко. Вы допивайте чай-то, я пока посижу.

– Я уже допил. Спасибо Вам, Евдокия Ивановна.

Вадим встал, надел своё клетчатое пальто с нашитыми карманами, шапку, взял стоявшую в углу сумку и прислонённую к шкафу гитару, покоившуюся в твёрдом футляре, который привёз ему отец из-за границы.

– А что это у Вас? Не гитара? – любопытствовала Люся.

– Гитара, – как можно небрежнее ответил Вадим.

– Ой, а Вы меня играть научите? Я всю жизнь мечтаю научиться играть на гитаре.

– Постараюсь, хотя учитель из меня, наверное, никудышный, потому что я ещё никого в своей жизни на гитаре играть не научил.

– Тогда я буду первой Вашей ученицей. Нет, я, правда, способная. Не верите?

– Отчего же? Верю.

– Она у нас тут самая лучшая певица, – похвалила девушку баба Дуся. – На сцену как выйдет, да как запоёт, заслушаисси. Робята из-за её чуть не кажинный вечер дерутся.

– Ой, ты, баба Дуня, скажешь тоже, – засмушалась Люська.

– Дак это я тебе цену набиваю. А то оне, городские-то, думают, што у нас тут в деревне только серость да грязь. А у нас талантов-то может поболее вашего! – гордо вскинулась баба Дуня.

– Да верю, я верю, – заулыбался Вадим. – Ну, ведите меня к своей бабушке.

– Ой, а меня ещё никто на Вы не называл! Вы первый. Так смешно! Меня и вдруг на Вы! – Люська весело рассмеялась. – А можно я гитару понесу. Я осторожно, не беспокойтесь.

– Да, пожалуйста, если Вам так хочется.

– Ну что Вы всё на Вы да на Вы? Называйте меня просто Люсей.

– Очень приятно! А я Вадим. Обычно все Вадиком называют.

– А я уже знаю, мне вчера мама про Вас рассказывала. Строгий такой, говорит, интеллигентный, в очках и с бородой, весь модный такой и что приехали Вы к нам аж из Ленинграда.

До бабушкиного дома было действительно от силы метров триста. Люська впорхнула в дом первой:

– А вот и моя золотая бабулечка Степанидочка! – обняла девушка крепкую женщину в возрасте за шестьдесят и закружилась с ней по комнате.

– Да што ты, сумасбродная, ронишь на пол, опозоришь перед учёным человеком.

– Бабулечка, а этот учёный человек обещал меня научить на гитаре играть, – похвасталась Люська. – Ведь правда, Вы мне обещали?

– Да угомонись ты, балаболка! Ну совсем как ребёнок! Дай хоть с человеком-то познакомиться да на стол собрать. Голодный ведь.

– Нет, спасибо, меня уже Евдокия Ивановна оладушками покормила.

– От, Дуська, добрая душа! Сам-то чей будешь, откуда?

– Бабуля, да из Ленинграда он, вчера же тебе мамуля говорила.

– Не трандычи! Дай с умным человеком поговорить. Он что, сам-то немой што ли? – повернулась к Вадиму. – В войну у нас тут были ленинградские. Эвакуировали их ещё до блокады. Очень хорошие были люди, только потом все домой возвратились. Тут никто не остался. Твои, случаем, не были здесь?

– Нет, моих родителей в Ташкент отправляли.

– Ну и ладно. Вон твоя комната, – показала на приоткрытую фанерную дверь, – проходи, располагайся, а я пока чай-то всё одно соберу. За чаем-то и разговор лучше клеится. Вот и Люська с нами почаёвничает.

– Нет, бабулечка, спасибо! Мне уже пора в больницу бежать. Пока-пока! Вечером зайду. А Вы не забудьте, что обещали научить на гитаре играть.

И выпорхнула за дверь, не дожидаясь ответа.

– Вот неугомонная! – с нескрываемой гордостью сказала Степанида. – Везде поспеть хочет. Она у нас в этом году на фельдшера заканчивает, сейчас на практике в больнице. В школе отличницей была, и сейчас на одни пятёрки учится. В самодеятельности поёт. Ни один концерт без её не обходится.

Вадим разобрал сумку, развесил в шкаф и разложил на спинки стульев кожаный пиджак и клетчатые брюки, а также твидовый пиджак, расклешённые джинсы, белую водолазку, две кримпленовых рубашки, джемпер домашней вязки и пару шейных платков. В Ленинграде это было пискom моды.

Из комнаты хозяйки доносился звон посуды.

– Ну, квартирант, иди чаёвничать. Звать-то тебя как? А то эта балаболка так и не представляла.

– Вадим, а Вас? Степанида...

– Михеевна я. Батюшка-то мой сына больно хотел, Степаном назвать думал, а родилась девка. Но надо было так подгадать, что, когда в церкву-то пошли крестить, аккурат на тот день именины Степаниды выпали. Так батя меня всю жизнь Стёпкой и звал. А тебя-то как по батюшке?

– Да рано мне ещё по отчеству, – заулыбался Вадим.

– Да неловко как-то: из самого Ленинграду, солидный такой, в очках, с бородой...

– Это я так, чтобы старше и солиднее казаться.

– Ой как вам не терпится старше-то стать! А потом ить молодиться будете, когда годы-то пролетят. Да вам этого до срока и не понять.

Попив уже второй раз за утро чая, на этот раз из самовара, Вадим отправился в редакцию. Помимо Николая Семёновича в кабинете за столами сидели ещё два молодых парня. Один бойко выстукивал на портативной машинке, второй сосредоточенно что-то писал крупным почерком.

Познакомились. Сергей и Василий хоть и вернулись с колхозных собраний поздно, торопились написать отчёт, запланированный в ближайший номер. Вадим взял подшивку, но едва начал её листать, зашёл редактор. Он поздоровался со всеми за руку, потом повернулся к Вадиму:

– Старик. Я советую тебе завтра съездить на нашу передовую ферму. Машина как раз будет свободна, посмотришь, как живёт современная деревня, напишешь корреспонденцию. Сколько там тебе их надо для зачёта? Две? Три? Если не ошибаюсь, ещё репортаж нужен. Там заодно можешь зарисовку сделать про тещу Димы. Дима – это наш водитель, а теща у него знаменитая на всю область кружевница. Потом ребята освободятся, введут тебя в курс дела, про район расскажут, про наши достопримечательности. Пообедать вместе сходите. Ребята, орсовскую столовую покажите Вадиму, а чайную вечером он сам найдёт. Там, в центре у нас, и Дом культуры, и районная библиотека, и музыкальная школа. Дом быта тоже там, если что надо будет подшить или подремонтировать. Да! Там в коридоре полушубок висит. Завтра его надень, а то пальто твоё модное не для поездок по фермам: силосом провоняет, за месяц не проветрится.

Развесёлое горемычное

Ферма встретила многоголосьем надрывного мычания коров.

– Отчего это они так орут? – подумал Вадим, оглядываясь по сторонам. Глаза постепенно начинали привыкать к полумраку большого помещения, свет в которое едва проникал через покрытые инеем стёкла узких продолговатых рам. С мокрого потолка то тут, то там падали крупные капли воды, у больших неплотно прикрытых ворот свисали метровой длины толстые сосульки. Отвратительно воняло чем-то кислым вперемешку с запахом навоза.

Одна сорвавшаяся с потолка капля тяжело шмякнулась на плечо.

– Да-а, хорошо, что Василий Дмитриевич дал мне свой старенький полушубок, а иначе с дорогим пальто пришлось бы после этой поездки навсегда распрощаться.

Вадим стоял в нерешительности. Что делать? Идти вперёд в поисках людей или вернуться назад, на улицу? Но Дима уже уехал в соседнюю деревню предупредить живущую там тещу, что они заедут на обед, поскольку, как он сказал, столоваться тут больше негде, кроме как в магазине отовариться килькой в томатном соусе да плавлеными сырками. А тёща гостям будет очень рада, потому что и зять из-за постоянных разъездов по району бывает не часто.

– Да ведь и ребята засмеют, – мелькнула ехидная мысль. – Мол, коров испугался интеллигент питерский.

Сделал два коротких шага, сторонясь грязного хвоста, которым размахивала крайняя от прохода корова, и сразу же левым ботинком наступил во что-то мягкое. Вадим даже не глядя понял, что именно такое мягкое могло оказаться под ногами. Поскольку остерегаться чего-то теперь было уже бессмысленно, по настилу, переброшенному через какой-то лоток, направился к центральному проходу, где, кажется, было чище.

Коровы мычали и тянули к нему морды.

– Но где же люди? Ведь доярки должны быть? Или кто там ещё на ферме работает? Нет, зря согласился поехать вот так, совершенно не имея представления о том, с чем придётся встретиться. Но Василий Дмитриевич, предложив ему начать практику со знакомства с деревней, с сельским хозяйством, с улыбкой сказал, что не хочет навязывать какое-то устоявшееся мнение, предлагать тему и что читателям будет куда интереснее увидеть привычную картину его глазами, глазами молодого человека из семьи ленинградского профессора.

Ну вот смотри, профессорский сынок, нюхай, запоминай детали, чтобы описать потом всё, как есть.

Пройдя вдоль по широкому присыпанному сенной трухой проходу мимо всё так же надрывно мычащих животных до конца двора, Вадим вернулся обратно и теперь, когда глаза уже окончательно привыкли к полумраку помещения, заметил, что рядом с входной дверью есть ещё одна. Он толкнул её и оказался в коридоре с ещё несколькими дверями. На каждой из них имелась табличка. Первая извещала, что тут находится красный уголок. На левой от входа стене висели в красивых рамах портреты Ленина и Брежнева, в углу стояло Красное знамя. На нём золотистого цвета нитками было вышито «Победителю социалистического соревнования», от знамени до самого входа на стене в два ряда были развешаны вымпелы, грамоты, дипломы. В простенке напротив под лентой из ватманской бумаги с надписью «Наши передовики» – фотографии нескольких женщин далёкого от молодости возраста и помесячный график надоев за прошлый год. Почти все строчки заканчивались торжественными красными числами, видимо говорящими о превышении плана или достигнутых рекордах.

С официально деловой обстановкой наглядной агитации ярко контрастировал накрытый дешёвой красной материей стол с остатками недавнего пиршества. О нём красноречиво говорили объедки каких-то пирогов, гранёные стопки, валяющиеся на полу и посреди стола пустые водочные бутылки и два опрокинутых на пол стула.

Вадим стал изучать вышитые золотом тексты вымпелов. «Лучшей ферме района», «Победителю областного социалистического соревнования среди молочно-товарных ферм», «Лучшей доярке района», дипломы и грамоты тоже рассказывали о победах в социалистическом соревновании на протяжении нескольких последних лет.

Записав все эти титулы в блокнот, Вадим ещё раз осмотрел помещение, достал фотоаппарат, пристроил вспышку и сделал несколько снимков – вымпелы и дипломы, Красное знамя, потом – неубранный стол на фоне этого самого знамени и отправился продолжать знакомство с лучшей, по каким-то непонятным для него показателям, фермой области.

В соседнем помещении находилась раздевалка. В открытых настежь шкафах висели чёрные замызганные халаты, а на вешалке в углу – белоснежные, со следами недавней глажки.

– Эти, видимо, для торжественных случаев, когда приезжают высокие гости, – решил Вадим. – Интересно, а сегодня, узнав о приезде корреспондента, они какой наряд выберут? Повседневный или торжественный.

И чему-то заулыбался.

Напротив красного уголка на двери была табличка «Кормозапарочная». Там, возле едва тёплого продолговатого котла, на широком топчане спал тщедушного вида дедок. Вадим с немалым трудом растолкал спящего – всё хоть какая-то живая душа, есть у кого расспросить, где народ. Ведь, чтобы написать материал, ему нужно пообщаться с теми же именитыми доярками, расспросить их о жизни, о работе, о проблемах.

– Ты кто? – протирая заспанные глаза, спросил дедок.

– Корреспондент.

– Кариспанде-е-ент? – с удивлением протянул дедок. – Слушай, кариспандент, а у тебя случайно того... похмелиться не найдётся?

И с такой тоскливой надеждой посмотрел в глаза Вадиму, что тот даже огорчился своей непредусмотрительности.

– Извините, нет.

– А сколько чичас времени, кариспандент?

Вадим отогнул рукав полушубка:

– Одиннадцать тридцать.

– Утра или вечера?

– Скорее – пополудни.

– А-а, ну, значит, мага́зин уже открыт. А день-то сёдни какой? – вдруг тревожно спросил дедок.

– Солнечный день сегодня, дед, – засмеялся Вадим.

– Да я не о том. Мне ить без разницы, дождь там али солнце. Не воскресенье хоть? А то в воскресенье-то мага́зин у нас закрыт.

– Вторник уже, дед, вторник.

– Ты не разыгрываешь?

– Вполне серьёзно.

– Дак это, погоди, дай сообразить. Мы в субботу у Нинки юбилей справляли. Шийсят бабе стукнуло, на пенсию провожали. Да-а, всё честь по чести, в клубе собранье было. Из райёну приезжали. А как же?! Лутшая доярка райёна Нинка-та! Не хухры-мухры. В воскресенье-то потом тут на ферме похмелялись. Дак ты это правду про вторник-то говоришь? Ничего себе похмелились!

Он потрогал котёл.

– Етит твою мать, хорошо не разморозил. Знать дрова-та подкидывал. Вот этъ старая закалка: пей да дело разумей. А девки-то где?

– Какие девки?

– Дак наши девки, доярки.

– Я никого не встретил.

– Неуж загуляли? Да не-ет! Я же их недавно видел. Катка-та с Тонькой точно были. Точно-точно! Они ишо про товарок спрашивали, мол, коровы-то не доёны стоят, не кормлены. Помню-помню. Я ить ишшо запарку делал, помогал сено раздавать. А потом как Тонька бутылку-то принесла да выпили, дак я и уснул. Точно-точно, были. А вот про Таньку с Веркой не скажу, спал. Здоровье-то уж не то – восьмой десяток идёт. Это ране было гуляли дак гуляли! Хоть неделю без сна и отдыха. Ночь гулеванием, а утром, как стёклышки, на работу. А типерича силы не те. И ноги болят, спасу нету, и голова дырявая стала. С похмелья-то уж ничо и не помню. Дак у тибя точно похмелиться нету?

– Извините, не подумал.

– Ну, тогда и ладно. Слушай, говоришь, кариспангент? Дак, может, я пока тут котёл растопляю, Димка-то до магазина и сгоняет. Димка-то, можно сказать, нашенский, на Глафириной Тамарке женат.

– А Дима к Тамириной маме как раз и уехал.

– От растуды твою мать! Ладно, котёл растоплю, сам схожу. Организма добавки требует. Дак девок-то наших, говоришь, не видел? Неужто опять загуляли? Худо это, коров-то испортят.

Беседу прервал женский голос в коридоре:

– Э! Вы где?

– Да здесь мы, – откликнулся дедок. – Бригадирша наша, – пояснил он. – Огонь-баба! Под горячую руку лучше не попадаться.

– Здравствуйте! – раздалось за спиной.

Вадим обернулся.

– Меня Мария Степановна зовут. Бригадир я. Смотрю, Димка на своей машине летит, да в кабине-то никого и нету. Ну, думаю, точно к нам на ферму делегация кака. Сразу и побежала. А Вы-то кто будете?

И протянула для приветствия руку.

– Я из районной газеты. Вадим.

– А по батюшке-то как, если не секрет?

– Альбертович.

– Недавно у нас? А то я наших-то всех давно знаю.

– Недавно, – согласился Вадим, не желая признаваться, что всего-навсего третий день.

– Откуда сами-то будете? Видно, что не наш, не деревенский.

– Из Ленинграда.

– Ой как Вас угораздило-то! Вы извините, не вовремя Вы к нам пожаловали. Вот уж точно в неурочный час. У нас тут как раз немножко не совсем в порядке дела. Подзагуляли девчонки-то. Но я их сейчас в чувство-то приведу, Вы не беспокойтесь. А ферма у нас самая что ни есть передовая. Мы в районе всегда первое место занимаем. Веселовская ферма всегда в почёте. У нас даже переходящее Красное знамя области есть. Вот! Пойдёмте, я Вам покажу наши достижения – и грамоты, и дипломы, и ценные подарки.

Она было повела Вадима в красный уголок, открыла туда дверь, увидела на столе следы попоек и торопливо захлопнула.

– У нас там сейчас не прибрано. Вы извините, я Вам потом всё расскажу и покажу. Может, мы в контору пройдем?

– Вы сказали девчонки. У вас что комсомольско-молодёжный коллектив?

– Ой, да это так. Мы промеж собой-то всё девчонки да девчонки. Так до самой старости. Конечно, не молодые уже. Вот на днях одну на пенсию проводили. Молодые-то всё в города норовят, не хотят в деревне оставаться. Ребята-та те хоть трактористами работают, а девкам куда? Только на ферму. А это в четыре утра на дойку вставать, а вечером до десяти на ферме. Да у каждой по двадцать пять голов. Подоить, накормить, прибрать. Мы-то привычные, и то

устаём, а молодым дак и совсем не под силу. Ладно, пойдёмте в контору-то, тут не далеко. Правда, председатель наш сегодня как раз в район уехал, но цифры мы Вам все дадим и без председателя. Зоотехник там на месте, утром видела. Она хоть и собиралась на Высоковскую ферму съездить, да, может, ещё и застанем.

– Мне редактор говорил, что у вас председатель сельсовета толковый.

– Ой, и правда, толковый. Молодой, а головастый. Вот и правда, Василий-то Петрович Вам всё и расскажет.

Не успели отойти от фермы, как подрулил Дима.

– Всё в порядке! – доложил он. – Мамаша нас на обед ждёт. Щами деревенскими угостит. Тебе, поди, таких, из русской печки, и есть никогда не доводилось.

– Не доводилось, – признался Вадим.

– Вот и отведаешь, – довольно засмеялся Дима. – Привет, тётка Маня! Ты-то как узнала, что гости на ферму приехали?

– Дак твою машину увидела и догадалась. Сломя голову и помчалась гостей встречать.

– Испугалась? Мамаша говорит, загуляли доярки-то после юбилея.

– Ой, лучше не говори! Загуляли, Димочка, загуляли. Прямо не знаю, что и делать. Вчера сама скотину кормить приходила. А подоить экую ораву мыслимо ли дело одной? Спасибо, бабы помогли. Так неудобно перед гостями-то дак слов нет.

Дима лихо подрулил к деревянному дому с высоким крыльцом, над которым висел красный флаг. Из-за полного безветрия его полотнище свисало вниз, являя собой полное смирение и покорность местной советской власти. Зато председатель оказался настоящим вулканом. Увидев в окно подъехавшую машину, он встретил гостей прямо на ступеньках.

– Димка, здорово! – закричал он, игнорируя всякую субординацию. – Мария Степановна, знакомь с гостем.

– Это Вадим Арнольдович, – представила она.

– Альбертович, – поправил Дима.

– Ой, простите дуру старую, запаматовала. Помню, что отчество-то какое-то мудрёное – не то Адольфович, не то Арнольдович, а настоящее-то и вылетело из головы.

– Да ничего, всё нормально.

– Володя, – протянул руку председатель.

– Вадим.

– Раз уж с Димой приехал, то, скорее всего, корреспондент. Из молодёжки?

– Нет, из «Волны».

– Новенький что ли? А я думал, из молодёжки, хотел про своих старых знакомых расспросить.

– Я там никого не знаю. Я на практику. Из Ленинграда.

– Да пойдёмте же в кабинет, – встрепенулся вдруг председатель. – Что мы тут на крыльце-то мёрзнем. Настя сейчас самовар поставит, чаем угостим. Пошли, Мария Степановна.

– Не до чаю мне, Владимир Иванович, делов по горло. Вы уж тут сами, без меня. Управитесь, поди?

– Да управимся, управимся, – рассмеялся председатель. – Ну, коли недосуг, беги по своим делам. Мы с ребятами посидим, за жизнь поговорим.

– Поговорите, поговорите, – как показалось Вадиму, с намёком сказала бригадир.

– Меня ведь совсем недавно, на этих выборах, председателем избрали, – начал Володя. – Я в райкоме комсомола работал. Вот та работа, с молодёжью, это было моё, но в райкоме партии сказали, что пора расти. Я на заочном учусь. Ещё полтора года осталось, а потом обещали зампредом райисполкома. В общем, вот так вот. Я ведь из местных. Здесь, в Весёлой, родился, тут школу закончил. Раньше-то она Горемыкино называлась, а потом, как наши доярки стали первые места занимать, районные власти и обратились в Верховный Совет по поводу пере-

именования. Нехорошо как-то получается – передовая ферма, а называется Горемыкинская. Теперь – Веселовская. Вот и веселимся. Уже знаешь, наверное, что у нас тут маленькие проблемы? Поплакалась Марья Степановна?

– Да мне дед на ферме рассказал, что девки загуляли.

– Вот-вот. Загуляли девки. Девкам-то скоро уж тоже на пенсию выходить, а задурили. Если честно, пьянки-то и раньше бывали, но чтобы вот так, чтобы запойно, вроде бы не бывало. Я, по крайней мере, не слышал. Хотя, по большому счёту, мы ведь сами виноваты. Я имею в виду руководители. И не только местные. Знаешь, сколько всяких торжеств да праздников? То районный слёт передовиков, то межрайонный слёт передовиков, то областной, то поездка для обмена опытом и подведения итогов в соревнующийся колхоз, то в соревнующийся район, и везде всё застольем заканчивается. А ездит кто? Да передовые, конечно! Вот так вот передовики и привыкают к праздникам. А кроме того, свои колхозные чествования победителей ежеквартально. А как без тостов? Вроде бы принято. А дни рождения, а праздники, а поминки да крестины? Знаешь, сколько таких поводов в год получается. Поневоле народ спивается. Вот думаю, как бы эту систему изменить, как организовать праздники без спиртного, но чтобы весело. Может, ты что подскажешь?

– Не знаю, вряд ли. Я просто не думал, что есть ещё и такая проблема.

– Есть проблема. Есть. Ты сам-то как? По соточке за знакомство?

– Нет, спасибо! Я этим не увлекаюсь.

– Да я и сам не увлекаюсь, просто думаю, как-то не по-людски получается – гостя на сухую встречать. Ты только потом не обижайся, ладно! А то, может, за знакомство-то? Настя мигом в магазин сбегает.

– Нет-нет, спасибо! А вот от чая не откажусь. Ещё бы руки где-то помыть после фермы.

– Там, в конце коридора, у нас мойдодыр стоит. Помнишь детское стихотворение? Точь-в-точь такой, как на картинке. А туалет на улице в отдельно стоящем строении, – засмеялся председатель. – Впрочем, пойдём на улицу, покажу, заодно на руки из ковшика полью.

За чаем из стаканов в подстаканниках, будто в купе пассажирского поезда, Володя рассказывал новому знакомому, который произвёл приятное впечатление, о деревенской жизни, о своих земляках.

– Мне бы ещё с кем-то из интересных людей познакомиться, – перебил Вадим.

– Так у нас тут все интересные! Есть, кстати, кавалер трёх орденов Славы, есть доморощенный художник. Ему бы поучиться в своё время. Может, многих бы ныне известных затмил. Он у нас своими картинами весь клуб завесил. Рисует и дарит. Вот, кстати, тоже его работа.

Вадим посмотрел на висящий на стене пейзаж. Выполнен он был вполне достойно, если учесть, что рисовал любитель, не имеющий профессионального образования.

– Есть Коля-танкист. Геройский был вояка, три ордена имел, медаль «За боевые заслуги», ещё какие-то награды, от сержанта до лейтенанта дослужился.

– Почему есть и в то же время был? Умер?

– Жив! Только в сорок четвёртом в плен попал. Представляешь? Одно дело в сорок первом, когда отступали и когда тысячи в окружении оказывались, а другое дело, когда уже и войне вот-вот конец. С немкой спутался, она его на какой-то хутор заманила, там его и повязали фашисты. А потом, сам понимаешь, связь с врагом, плен, трибунал, наград лишили, самого в лагерь. Отсидел, домой вернулся, а тут от него многие наши ветераны морду воротят: как же – честь офицерскую запятнал. Ну, он так изгоем и живёт. Дом построил за деревней, женился, правда, трое детей уже взрослые. После школы сразу куда-то на Север уехали, где никто отца ничего не знает. Здесь-то их фашистскими ровесники звали. А Коля-танкист, как его местные окрестили, работает за троих. Как пахота начинается, он чуть не круглые сутки на тракторе. Две дополнительных фары поставил и ночами пашет. Зимой тоже с раннего утра до

позднего вечера на работе. Но как только в работе перерыв, так всё. Так сразу в глухой запой. Как он сам говорит, пить так пить, чтобы от кальсонов перегаром пахло.

– Как бы с ним познакомиться?

– Не получится. Он как раз в глухом запое. Сено всё к фермам стаскал, трактор к весеннему севу загодя подготовил и загулял. А к пьяному соваться не советую. Может и из ружья пальнуть. У него и жена от греха подальше к сестре уходит на время запоя мужа.

Вот через пару недель протрезвеет, тогда приезжай. Может, удастся разговорить, хотя никому деревенским ничего о войне не рассказывает.

– Ребята, у меня там тёща наверняка заждалась, – встрял в разговор всё это время молчавший Дима. – А с тёщей лучше не ссориться.

– Это точно! Тем более, в первый раз она своего зятя с вилами в руках встретила, – засмеялся председатель. – Я хоть и не женат ещё, но наслышан про эти дела много. Спасибо за беседу! Приезжай ещё. Я тебя и с кавалером трёх орденов Славы познакомлю, и с художником нашим, и с Колей-трактористом, когда протрезвеет. Впрочем, я тебе потом в редакцию позвоню. Счастливо! Кстати. Может, мне с курсовой поможешь, подскажешь что. Я же на филфаке учусь. А тёща у Димки тоже знатная. Такие кружева плетёт, закачаешься! Кстати, почти каждый год первые места на областных конкурсах занимает своими работами. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Сам сейчас посмотришь, оценишь.

Мастерица

– Ну что? Теперь к теще на блины? – спросил Дима. – Она ждёт не дожждётся: не каждый, поди, день ленинградские гости в доме бывают. Может, и ты с нами? – спросил Дима председателя.

– С удовольствием бы, да дел невпроворот. И так сегодня с вами заговорился дальше некуда. Обещал зайти к дяде Никите, провести инвалида войны – крыша у него прохудилась. Посмотреть, что да как, да весной ремонт сделать.

– Тогда мы поехали?

– Давайте! Приятного угощения!

– Ну, об этом можешь не беспокоиться – ты тещу мою знаешь. Она всегда гостям рада, особенно дальним.

– Да тебе она, дурак, рада, а не гостям.

– И мне тоже, – не стал отнекиваться Дима.

– А ведь с вилами в руках первый-то раз встретила, – опять напомнил и засмеялся председатель.

– Ну, когда это было! Зато теперь у нас всё отлично.

– Счастливо вам. Жене привет передавай.

– Спасибо, передам.

Дом Диминой тёщи оказался на самом краю деревни. Ухоженная изба с резными наличниками, аккуратно сколоченный причудливым веером заборчик из крашеного штакетника выделял его из всех других. Больше ни у кого Вадим таких не видел ни в одной деревне, через которые довелось проезжать.

На крыльце, в просторных сенях и в доме тоже царил полный порядок. Тут и там стояли и висели на стенах шкафчики и полочки с причудливой резьбой.

– Вот, мамаша, гостя к тебе привёз. Вадим. А это мамаша моя, тёща то есть, Глафира Ивановна, – представил Дима шупленькую симпатичную женщину в цветастом платье с кружевным воротником.

– Очень приятно! – сказал Вадим, аккуратно пожал протянутую руку и осмотрелся. В одном из простенков была большая рама, за стеклом которой разместились фотографии родственников, в другом простенке рядышком пристроились два увеличенных со старых фотографий портрета, скорее всего, родителей хозяйки или хозяина. Всё остальное пространство занимали кружева. Стол тоже был накрыт большой кружевной скатертью.

– Я смотрю, у вас тут в доме все мастера.

– Она у нас знатная кружевница, – опередил тещу Дима. – Я уже говорил тебе, что каждый год на областных конкурсах первые места занимает. Даже на ВДНХ выставлялась и золотую медаль получила.

– И муж у вас тоже мастеровитый, – похвалил Вадим. – Самый красивый дом, какие я только видел.

– Мужа-то у меня уже десять лет как нету. Это Димка дом в порядок привёл. Мой-то после войны совсем немощный был, ничего по дому последние годы делать не мог. Это всё зятёк ненаглядный, – похвалила Глафира Ивановна и потрепала зятя по курчавым волосам. – Вот кто мастер-то на все руки, а я что? Я вот только кружева и умею. Да и то... Вот бабушка моя была мастерица так мастерица.

– Да скромничает она, скромничает. У неё кроме медали ВДНХ грамот разных целая куча. Вон шкаф забит. Всё уговариваю в рамки вставить да на стену повесить, не хочет.

– Дак а кому они тут на стене-то? Наши деревенские и так все знают. А чужие когда бывают-то? Вот Вас Димочка завёз покормить с дороги. Ой, да чо это я, люди голодные, а я тут ласы точу. Разболокайтесь давайте, я счас быстро на стол-то соберу.

– Ты, мамаша, давай собирай на стол, а я пока воды натаскаю. А навоз от овец после обеда повыкидаю.

Дима схватил вёдра и шагнул из избы.

– Ой, неугомонный какой! – с гордостью за зятя сказала Глафира Ивановна. – Ни минуты не посидит, всё гомонится и гомонится. Золотой парень.

– А председатель говорит, что вы его в первый раз с вилами в руках встретили.

– Ой, дак правду этъ и говорит! – рассмеялась хозяйка. – С вилами и встретила. А сами-то посудите: тайком девку увёз. Первый раз увидел – и умыкнул. И она, дура такая, парня никогда ране в глаза не видала, а будто в омут головой кинулась, пять минут виделись – и замуж. Димка-то тогда как раз только из армии пришёл, сразу в редакцию на машину устроился, а тут с района к нам с концертом приехала агитбригада на двух машинах. И Димку они с собой взяли. Он же гармонист первой руки. Эдакий игрок дак! А он из армии-то в морской форме пришёл, эдакой красавец! В бескозырке, с медалями разными. Кудри-то из-под бескозырки выются, загляденье одно. Ну, моя дура голову-то сразу и потеряла. На каникулы из города приехала, она там на швею-мотористку училась. За два года ни на одново парня не посмотрела, а тут сразу по уши влюбилась. Мы-то после концерта почти сразу по домам разошлись. Бабы, правда, уговаривали, чтобы на танцах посидеть, только у миня голова разболелась, да и утром к телятам рано вставать, с Зойкой-соседкой домой ушла. А он там, на танцах-то, девке моей голову и вскружил. Выходи, говорит, за меня замуж и всё. И ведь дурёха-то моя, нет бы, сказать, что подумает, с мамкой посоветуется, сразу и согласилась. С им на машине и укатила. Подружке своей Светке наказала, чтобы та мне сообщила, а то, мол, мамка волноваться будет, куда дочка делась. Ну, та пришла, у миня свет уже не горит, и не стала стучаться, чтобы не тревожить. Мол, утром скажет. А я ночью-то проснулась, нету Тamarки. Уж светать стало, а её нету. И сердце какую-то беду чуёт, колотится и колотится. Утром корову подоила, на выгон выпустила и сразу к Светке. А та спросонья-то ничего сообразить не может, только твердит, мол, Тamarка просила сказать, чтобы ты не беспокоилась, она замуж вышла. Дак это мне, как обухом по голове! Как замуж? За кого? Куда? А не знаю, говорит, вроде за гармониста того из района, который в морской форме был. Ой, позор на мою голову! Да видано ли дело, чтобы вот так за первого встречного? Ой, дура-дура! Вот мамку ославила дак ославила! Попользует и домой отправит. Мне аж худо сделалось. Светка нашатыря нашла, дала понюхать да валерьянкой отпоила. Места себе не нахожу – вот вырастила дочиньку. Хорошо батька помер, до такого позора не дожил. Враз бы в могилу согнала – он у меня строгий был, уж и не знаю, что эдакой вертихвостке бы сделал. Сижу вот тут, у окошка, плачу, вдруг слышу – машина заурчала прямо под окнами. И выходит моя дурёха, а с другой стороны кавалер её всё в той же морской форме. И женщина какая-то с заднего сиденья вылезает. Идут они к калитке, а я выскочила на двор, вилы схватила и как заору не своим голосом: «Шагу сделать не дам! Опозорила миня на всю округу, не дочь ты мне больше!». Смотрю, а лицо-то у дочки моей счастливое-пресчастливое, ну, вилы-то у миня из рук и выпали. А дочка на шею кидается, мол, поздравь, мама, я замуж выхожу, вот мой жених, Димой зовут, а это его мама – Вера Васильевна. «Ты уж не ругай их, Глафирушка, – говорит сватья моя нежданная. – Сама вот так же огорошена была. Приходит ночью с девушкой, говорит, мама, я женюсь. Знакомься – это Тамара». Спрашиваю: «Откуда хоть невесту-то привёз?» «Из Россосшей» – говорит. «А фамилия как? А он и фамилии не знает. Тамара и всё. Ну, Тамара дак Тамара. Что уж теперь перечить? Лучше что ли, если отказать? Всё одно перечить будут. А так, может, сладится, слюбится. Вот и приехали к тебе за благословением, как раньше-то говорили. Пусть уж живут себе, коли так вышло». Обнялись мы со сватьюшкой да и заплакали обе. Они с гостинцами приехали, да у миня наскоро собрали

кое-что, устроили вроде как помолвку. Ночевали они у нас. А утром Дима со сватьей на работу с раннего ранья уехали, Тамарка дома осталась. А через неделю и свадьбу сыграли. Типерь-то я затем не нарадуюсь, да и деревенские все завидуют: «Вот Тамарка какова парня отхватила!»

– Всё судачите? – спросил вошедший Дима. – А я уже кадушку воды натаскал, проголодался как волк, а тут на столе ещё шаром покати.

– Ой! Простите дуру старую! Совсем гостя заговорила! Вы усаживайтесь, усаживайтесь к столу-то, я мигом соберу.

Щи и жаркое из русской печи были выше всяких похвал! Уж на что мать Вадима была искусной поварихой, но на городской плите такого приготовить не могла. Вадим ел и нахваливал.

– Дак а чо тут хитрого-то? – отмахивалась Глафира Ивановна. – Знамо дело, что в городе так не приготовить. Это ить русская печка сама делает. Жар-то со всех сторон, в чугуне всё не варится, а томится, вот и скус другой.

Во время обеда Вадим внимательно рассматривал приколотые к стене кружева и удивлялся, как это можно сделать руками, а не на станке. Тончайший рисунок просто завораживал. Некоторые, будто огромные снежинки с причудливыми формами, прилетели с туч, опустились на стену и не тают даже в жарко натопленном доме. Другие имели государственную символику – серп и молот, даже Кремль, выполненный цветными нитками, а на одном кружеве была вывязана нитками стройная белая берёза.

– Я, честное слово, поражаюсь, насколько изящно выполнены эти работы! – не выдержал Вадим. – Вы настоящая кудесница!

– Да это же просто! Хотите, я и Вас научу. Счас вот чаю попью, и научу. Вон как раз у миня воротник Тamarушке начат.

– Да Вы что! – испугался Вадим. – Я только испорчу.

– А ничего и не испортите! – заверила Глафира Ивановна. – Поначалу-то, конечно, неловко будет, тут сноровка нужна, но научиться можно. У нас вон в деревне бабы многие кружева плетут. Дарья вон кружевное покрывало дочке на свадьбу связала. Только в городе оне как-то больше к торговому тянутся, не ценят старинные промыслы. А торговое, ясно дело, красивее.

– Да Вы что! – искренне воскликнул Вадим. – Разве может сравниться фабричная работа с той, что руками сделана. Это же штучный товар! Такому цены нет!

– И правда, что нет, – согласилась Глафира Ивановна. – Кто у нас тут эти кружева покупать-то станет?

– Я бы маме воротник с удовольствием купил. Она бы в восторге была.

– Дак маме Вашей я и так подарю. Пусть носит на здоровье, если понравится.

– Что Вы, что Вы! – замахал руками Вадим. – Я такой дорогой подарок принять не могу. А купить у меня и денег таких нет.

– Не надо никаких денег. У миня вон воротников-то разных аж несколько штук наплетено. На выставке типерь ими никого не удивишь, а носить никто уж и не носит давно.

Глафира Ивановна удалилась за заборку с ситцевой занавеской в дверном проёме, отделяющую горницу от другой комнаты, и через пару минут вернулась с несколькими кружевными воротниками в руке.

– Вот, выбирайте, который понравится. И можете и все взять, мне не жалко. Всё одно так без дела лежат.

– Честное слово, я не могу взять такой дорогой подарок, – снова заотнекивался Вадим.

– А ничего и не дорогой. Вот сичас покажу, дак и сами потом плести можете. Вот садитесь сюда, к окну поближе, я валик принесу.

Глафира Ивановна снова удалилась за занавеску и вернулась оттуда с установленным на сделанные из лёгких реек козлы валиком. На нём уже обозначилось небольшое кружево, а сбоку висели какие-то палочки с намотанными на них нитками.

– Вот это валик, а вот это коклюшки. Запомните?

– Конечно, запомню, я в детстве коклюшем болел, как коклюшки не запомнить?

– Вот берёте по две коклюшки в каждую руку. Смотрите, я покажу, как надо перекидывать нитку, вот в левой руке одну коклюшку перекидываете на другую, попробуйте, это очень легко.

Вадим взял в обе руки по две коклюшки, попробовал выполнить самое простое упражнение, но коклюшки вывернулись из пальцев и упали на пол.

– Нет, у меня точно не получится.

– Получится, получится, – заверила Глафира Ивановна. – Вот у Димки тоже сначала ничего не получалось, а теперь быстрее меня может.

– Так Дима гармонист. Он натренировался на гармошке играть, вот у него и получается хорошо.

– Ты тоже музыкант. На гитаре тоже пальцами надо умело работать, – сказал Дима.

– Так то гитара, а тут совсем другое.

– Ладно, вы тут пока кружевами занимайтесь, а я пойду у овец стайку почищу. Я быстро. Не успеешь воротник сделать.

– Да мне такой воротник надо не один месяц плести, – засмеялся Вадим. – Ты не только у овец стайку Авгиевы конюшни вычистить успеешь.

– Какие конюшни?

– Авгиевы. Был в Древней Греции такой царь Авгий. И была у него огромная и очень запущенная конюшня. Геракл её за один день очистил, направив воду сразу двух рек Алфея и Пенея. Это был один из двенадцати самых известных подвигов Геракла. Вообще-то был, говорят, ещё и тринадцатый, но про него я тебе потом в машине расскажу. Может, лучше я тебе помогу?

– Нет, там вдвоём всё равно не повернуться. Да и переодевать тебя будет дольше, чем я один справлюсь.

– А то смотри, я готов уподобиться Гераклу.

– Ты, Геракл, лучше кружева плести учись. Глядишь, в Ленинграде пригодится. А овечьих стаяк там уж точно нету.

– Это точно, – согласился Вадим. – Глафира Ивановна, ученик из меня никакой, Вы мне лучше так про кружева расскажите. Я, конечно, видел их на выставках, в музее народов Севера, кажется, тоже есть, а вот так вживую видеть не доводилось. Вы немножко поработайте, а я пока посижу, посмотрю, фотографию сделаю.

– Ну, как хотите. Смотрите.

Глафира Ивановна придвинула валик к себе и начала так ловко перекидывать коклюшки, что взгляд Вадима не успевал улавливать их стремительное перемещение. Вадим достал фотоаппарат, отсел немножко в сторону и, держа его наготове, стал ждать, пока женщина привыкнет к его присутствию и перестанет обращать на камеру внимание. Не отрываясь от работы, Глафира Ивановна стала рассказывать то, что сама слышала во время экскурсий на выставках.

– Говорят, будто в Россию это ремесло завёз Пётр Первый, – начала Глафира Ивановна. – Пригласил мастериц в Новодевичий монастырь, поди, знаете, что это где-то под Москвой. Дак вот, привёз он, значит, мастериц откуда-то из Европы, то ли из Германии, то ли из Италии, я уж и не помню, как там сказывали-то, на выставке, ну, они и начали учить сиротских девочек, а тех потом царь распорядился в разные монастыри отправить, чтобы они сами уже других учили. Верно, так вышло, что каждая из учениц свой стиль применяла, потому и отличаются кружева вологодские от елецких или, скажем, от московских и вятских. Есть ещё кружева, которые

одной иголкой делают, но те уже совсем другие. Там окромя иголки ничего и не надо боле, а тут вот подушка нужна. Вот эта подушка сделана из отрубей. Но можно набивать наволочку и опилками. А вот вата не годится – она иголки не держит. А иголка тут, можно сказать, первое дело, без её рисунок не получится. Вот глядите, тут рисунок есть, я по краям иголки втыкаю и по ним-то нитки и плету.

Пока Глафира Ивановна увлечённо рассказывала про искусство кружевоплетения, Вадим сделал несколько, на его взгляд, удачных снимков. За разговором они не заметили, как быстро пролетело время. Но вот уже загромыхал в сенях Дима, а потом вошёл в дом.

– Ну как, Вадим, научился чему?

– Нет, я ученик бестолковый, зато Глафира Ивановна мне много интересного рассказала. Я ведь про кружева ничего и не слышал. Знаю, что есть в Вологде фабрика, вроде «Снежинка» называется, а вот как кружева плетут, понятия не имел.

– Теперь имеешь?

– Более чем.

– Тогда, может, поедem уже, а то темнеть начало. Пока до дома доберёмся, пора будет спать ложиться.

– А нешто вы экую-то рань спать ложитесь? – недоверчиво спросила тёща.

– Это я так, для красного словца, – засмеялся Дима. – Но ехать уже действительно пора.

И так мы сильно загостились.

– Ну, пойдёмте, я вас хоть до калитки провожу.

Глафира Ивановна отодвинула работу и пошла к выходу. Набросила на плечи фуфайку.

– Да ты бы, мамаша, сидела дома-то, а то простудишься ещё, чего доброго.

– Не простужусь, а что я дома-то сидеть буду, нешто не люди мы, гостей до ворот не проводим. Не по-людски это будет. Поезжайте с миром. Лёгкой вам дороги! Да Тамарушке-то привет наказывай от миня. Не забудь.

– Не забуду.

– Ой, постой-ка, Димка! Я же гостинцев-то приготовила, а не отдала. Вот дура старая! Погоди маленько, счас принесу.

– Ох, и хлопотная у меня тёща, – с нескрываемой гордостью сказал Дима. – Колготится, колготится, как будто у нас там есть нечего.

– Знаю, что есть, чего поесть, – услышала разговор Глафира Ивановна. – А не дело это без гостинцев-то уезжать. На вот, маленько вам собрала. Вот типерь поезжайте с миром. На выходные-то приежайте, ежели время будет.

– Постараемся! До встречи! Не хворай!

Дима сел в машину и завёл мотор.

– До свидания! – попрощался Вадим. – Спасибо Вам огромное за подарок маме, за вкусный обед и за интересный рассказ!

– Да нешто там, какой подарок, – отмахнулась Глафира Ивановна. – И Вы приежайте, коли будет охота. Мы гостям завсегда рады!

– Спасибо! Я ведь здесь только на практике. Но, может быть, ещё и увидимся. Будьте здоровы.

Вадим сел в машину, и они лихо помчались в сторону райцентра.

Уроки по профессии

– Зощенко любишь?

– Очень!

– Похоже. Только запомни одно хорошее правило – никакая копия не может быть лучше оригинала, и, если ты хочешь чего-то добиться в журналистике, пиши своим языком, а не подражай другим. Даже великим.

– Спасибо, учту.

Василий Дмитриевич некоторое время сидел молча, то вглядываясь в текст, то переводя взгляд за окно на те самые, воспетые Рубцовым сосны. Потом тяжело вздохнул:

– Да, брат, не сносить мне головы, если это опубликовать.

Василий Дмитриевич снял очки, снова надел, посмотрел в окно на стоящие сразу за изгородью сосны в нахлобученных снежных шапках, снова снял очки и, близоруко сощурившись, взглянул на Вадима:

– Ты хоть сам-то хорошо подумал, прежде чем это сочинять?

– Да ничего я не сочинял, Василий Дмитриевич! Там же всё чистая правда. Другое дело, что, может быть, тон чересчур ироничный. Согласен, что кое-где даже слишком язвительный, но ведь ситуацию я изложил достоверно. Там же и слова бригадира и председателя сельсовета приведены.

– Да понимаю я, что не выдумал ты всё это, что там на самом деле бардак. Только ферма эта одна из лучших в области, а ты коллектив – мордой в грязь.

– Но ведь за дело же!

– Да за дело-то за дело. Но ты и другое понять должен. На этот коллектив другие равняются, мы этих доярок в пример постоянно на всех совещаниях ставим, а ты их вот так ославить хочешь. Знаю, не впервой это у них. И раньше бывало, ходила молва, но вслух никто говорить не решается. Ты на площади перед райкомом посмотри – там их всех на Доске почёта увидишь. Сразу узнаешь.

– Не узнаю. Я их на ферме не видел, там только дедок был да бригадир – Мария Степановна. Вот же в тексте её слова приведены.

– Слова приведены, согласен. А если она завтра, когда номер выйдет, скажет, что в глаза никакого корреспондента не видела и слухом не слыхивала? Или у тебя в блокноте она под этими своими словами расписалась?

– Нет, не расписалась. А что надо было?

– Вот тут у тебя первый прокол, и очень существенный. Так же и в случае с председателем сельсовета. Тоже, поди, не догадался дать ему под его словами расписаться?

– Не догадался.

– Вот видишь.

Василий Дмитриевич надел очки и снова посмотрел на отпечатанный на машинке текст фельетона.

– Про Владимира Ивановича вообще разговор отдельный. Понимаешь, парень он молодой, горячий, говорит то, что думает, не научился ещё начальственные уложения выдавать за свои суждения, чтобы не идти вразрез с политикой партии и правительства. Ты ему своим фельетоном всю жизнь сломать можешь. А ему с его головой и активной жизненной позицией хорошая карьера светит. Большим человеком стать может, если научится говорить и делать то, что от него руководство требует. Прямо не знаю, что и делать.

– Значит, всё напрасно?

– Что всё?

– И то, что день вчера напрасно угробил, и машину зря гоняли, и что весь вечер писал да фотографии делал.

– Природу снимал?

– Природу тоже, но я и на ферме фотографировал.

– Неси снимки.

Вадим бегом спустился по лестнице в фотолабораторию, снял с верёвочки развешенные для просушки снимки, ладонью разгладил их на столе и так же бегом взлетел по лестнице на второй этаж, протянул фотографии редактору. Тот отложил в сторону три, потом из них выбрал один снимок, на котором на столе, на фоне переходящего Красного знамени, лежали остатки пиршества и пустая бутылка из-под водки.

– Отдай Виктору, пусть клише сделает. Запомнил Виктора? Высокий, сутулый, я вас знакомил прямо возле печатной машины.

– Да-да. Помню, конечно!

– А вот текст придётся немного пригладить. И давай назовём твой фельетон «Похмелье от успехов». Не возражаешь?

– Отчего же? Мне нравится.

– Спасибо! Ты извини, я тут немного почёркаю, потом посмотришь, может, с чем-то не согласишься. Хотя давай лучше вместе обсудим. Отдай снимок в нарезку и возвращайся, будем вместе править.

Когда Вадим через несколько минут вернулся в кабинет редактора, тот как раз делал пометки на последней странице.

– Да! Хлётко! Давно у нас ничего подобного не было. Ох, и скандал завтра будет! Но дебют у тебя получается замечательный! А теперь смотри: первый и последний абзацы предлагаю убрать. Понял почему? Есть про них такая старая шутка, что, если вычеркнуть первый и последний абзац, текст ничего не теряет, а только выигрывает. У тебя как раз классический пример – они никакой информации не несут. Ты пиши так, чтобы с первого предложения читателя заинтересовать, заинтриговать, чтобы у него возникло желание читать дальше. А ты начинаешь с того, что ферма стоит неподалёку от деревни. А они все стоят за деревней и никогда в центре села. Никогда – рядом с рекой, чтобы не загрязнять стоками. Ну, и много ещё чего такого.

– Я не знал, – честно признался Вадим.

– Что не знал, не беда. Все мы очень многого не знаем, но зато есть такое журналистское правило – минутный стыд спросить, и вечный стыд не знать. Не стесняйся, спрашивай. Спрашивай даже у тех, кто, как тебе кажется, изначально знать не может. Это не умаляет твоего достоинства, наоборот, прибавит уважения, что ты человека, у которого спрашиваешь, ставишь выше себя. Люди это любят.

– Спасибо! Буду знать.

– Теперь дальше: давай не будем подставлять под начальственный гнев бригадира и председателя. Люди они хорошие. Пострадают напрасно. Ты сам всё видел, у тебя есть фотографии. Это документ, так что претензий к тебе быть не может. Они могут быть только ко мне, что я дал этот материал в газету. Но я отбрехаюсь. Впервой что ли? Завтра на первой полосе и дадим. С дебютом тебя, Вадим Альбертович.

– Спасибо, Василий Дмитриевич!

– Да! Мне только что хорошая, как мне кажется, мысль в голову пришла. Словом ты владеешь, поэтому не разменивайся на мелочи. У нас тут столько интересных людей есть, про передовиков мы уже писали-переписали, а есть такие, кто не наш формат. Не для районки масштаб. Про них очерки надо писать для центральных изданий, для толстых журналов. Ты фактуру собирай, попробуй разговорить, вызови на откровенность, а если потом трудности с написанием возникнут, помогу. А по практике я тебе отзыв напишу, не волнуйся. А люди...

У нас тут самый настоящий граф живёт. Сколько пытались его разговорить, не хочет. Ты – ленинградский, земляк, может, тебе он и откроется. Ещё твоя землячка есть. Финка. В 37-м с семьёй сюда сослали, когда к финской войне готовиться начали и от границ всех неблагонадежных переселяли куда подальше. Интересная судьба у женщины, а написать про неё никому не удавалось. Капитан первого ранга у нас живёт. В отставке. Уникальный случай – орден был, потом – судимость, штрафбат, две похоронки, а потом снова куча орденов, в офицерском звании восстановили, до капитана первого ранга дослужился. Коля-танкист опять же.

– Мне про него председатель сельсовета вчера рассказывал. Только он как раз в запое.

– Не беда, пропьётся, проспится, потом встретишься. Петя-цыган. Инвалид войны, вместо ноги – деревяшка. А он в кузнице молотом машет. У него руки поистине золотые, всё, что хочешь, из металла сделать может. Про него мы много раз писали и в своей газете, и в областной. Но всё так, будто мимоходом. На хороший очерк так никто и не сподобился. Хирург Володя Вишневский, мой закадычный друг. Лет десять пытается найти причину возникновения раковых заболеваний, пока безуспешно. Думает, если кто найдёт причину, значит, найдут и лекарство, а это уже точно – Нобелевская премия. Володина проблема в том, что к его голове бы да возможности, лабораторию, большую онкологическую клинику с огромными возможностями для исследовательской работы. А что тут в районной больнице сделать можно? Но он не теряет надежды.

– Вишневский? Из знаменитой династии военного врача, который мазь изобрёл? Он же Сталинскую премию получал.

– Нет, не из династии. Володина фамилия была Криволапов. Представляешь, хирург Криволапов? Вот он и сменил фамилию, ещё когда в институте учился. Студенты народ остроумный, всё подсмеивались, что к хирургу с такой фамилией никто на операционный стол не ляжет, кроме тех, которых привезли без сознания. Ну, он и поменял фамилию на Вишневский. Ты с этими людьми познакомься, разговори, а напишешь потом дома. Хорошо сделаешь, та же «Нева» с удовольствием возьмёт или «Север». Этот в Петрозаводске выходит. У них всё время с публицистикой проблема, потому что несут стихи да романы. Если что-то успеешь здесь написать, помогу до ума довести и сам редактору «Севера» отправлю, мы с ним на одном курсе учились, только он журналистике литературу предпочёл. Машину я тебе каждый раз давать не смогу, но у нас каждый день то из райкома, то из исполкома, то из управления сельского хозяйства кто-нибудь да ездит, так что в попутчики возьмут с удовольствием. Как-никак новый человек, поговорить интересно. Ладно, иди, а то уже и обед скоро.

Наутро первым, ещё в начале девятого, пришёл Николай Семёнович.

– Ну, как жизнь, Вадим Альбертович? – поздоровался он, протянул руку и вялым пожатием ответил на сильное рукопожатие Вадима.

– Ох, и силушка у Вас, молодой человек! С такой силой за плугом ходить. Крестьянствовать, а не пером баловаться.

Вадим уже знал, что Николай Семёнович родом был из деревни, кичился своим крестьянским происхождением, но родители настояли, чтобы после школы обязательно шёл учиться дальше. Закончил пединститут, ещё на третьем курсе женился и по распределению попал в свой же район, работал в школе, вступил в партию и, когда возродилась газета, был направлен заместителем редактора. Увидел на столе у Вадима свежий номер.

– Так, что там новенького в нашей газете? Позвольте, Вадим Альбертович! А то я вчера допоздна в командировке был, домой уже почти в полночь вернулись, поленился в редакцию завернуть.

Разнос

Николай Семёнович сел за свой стол, разложил газету, сдвинув в сторону красный аппарат телефона. И едва его коснулся, как тот затрезвонил. Настойчиво и, как показалось Вадиму, даже злобно.

– Здравствуйте, Валентин Фёдорович! Рад Вас приветствовать! – скороговоркой выдал Николай Семёнович и уважительно встал с трубкой в руке.

– Ты погоди радоваться, – послышался из трубки чей-то голос. Хоть Вадим и сидел метрах в трёх от стола заместителя редактора, ему хорошо было слышно каждое слово. – Ты сегодняшней номер видел?

– Нет ещё, я вчера поздно из лесопункта вернулся, и сейчас только что зашёл, едва пальто снять успел.

– Редактор где? Не в отъезде? А то напакостил и голову в кусты.

– А что случилось, Валентин Фёдорович?

– Почитай свою газету – узнаешь, что случилось. Звоню редактору домой, телефон молчит, в кабинете – тоже.

– Может, в пути?

– Может, и в пути. Как только появится, пусть мне сразу же звонит. Понял меня?

– Понял, понял. Конечно, понял, Валентин Фёдорович, – подобострастно заговорил Николай Семёнович. – А вот, кажется, и Василий Дмитриевич по лестнице поднимается. Его шаги. Да, точно, его шаги. Позвать?

– Зови!

Николай Семёнович бережно положил трубку на стол и семенящей походкой засуетился к выходу, приоткрыл дверь:

– Здравствуйте, Василий Дмитриевич! Там Вас Валентин Фёдорович к телефону. У нас в кабинете.

– Я ему от себя сейчас позвоню.

– Нет, нет, Вы уж, пожалуйста, от меня, а то обидится, скажет, не позвал.

– Ну, от тебя так от тебя, – взял трубку. – Доброе утро, Валентин Фёдорович!

– Было доброе, пока газету в руки не взял, – вместо приветствия послышался из трубки сердитый голос. – Ты что себе позволяешь? Или ты свою газету не читаешь, когда в печать подписываешь?

– Отчего же? Читаю, конечно. И, прошу заметить, самым внимательным образом.

– Так какого рожна ты себе позволяешь такое печатать? Какой клеветник у тебя под этим псевдонимом прячется? Передовой коллектив с ног до головы грязью облил! Да ты за такие дела партбилета можешь лишиться!

– Василий Фёдорович, сбавь тон, – спокойным голосом перебил говорящего редактор. – Партбилет не ты мне выдавал, не тебе и лишать. А что публиковать, решает редактор, такой же, как ты, член бюро райкома. И пока я в этой должности, именно я, а не ты буду решать, какие материалы мне на полосы ставить. Ты, как секретарь, определяешь идеологию, а я несу полную ответственность за содержание газеты. И не кричи, пожалуйста, когда хочешь что-то сказать другому.

– Ты ещё меня учить будешь, каким тоном с тобой разговаривать? Вот вернётся из отпуска Сергей Сергеевич, по-другому запоешь, когда вопрос на бюро поставим.

– Во-первых, петь я не пел и никогда не буду. Во-вторых, Валентин Фёдорович, тебе не кажется, что ты слишком зарвался? Об этом тоже на бюро говорить можно. А сейчас, если тебе больше сказать нечего, до свидания.

Василий Дмитриевич хотел было положить трубку, но оттуда ещё послышался вопрос:

– Это пьянчужка твой, Сергей, под псевдонимом скрывается?

– Нет, это наш новый сотрудник. Практикант из Ленинградского университета, замечательный парень с большим будущим, если ему такие, как ты, судьбу не сломают. А насчёт пьянчужки, ты вспомни, как я тебя после слёта передовиков из сугроба вытаскивал и домой на себе тащил. Между прочим, Сергей до такого состояния не напивался ни разу.

– Ты ещё Всемирный потоп вспомни.

– В те времена я с тобой знаком не был, а вот период после избрания тебя секретарём райкома хорошо знаю. И как тебе морду били, когда к чужой жене по пьяни приставал, и как в той же Весёлой из туалета у сельсовета выйти не мог и на всю деревню орал, что тебя незаконно в кутузке заперли. Да много чего ещё, так что тему пьянчуг лучше не поднимай, когда у самого нос в пуху.

Редактор чуть не сказал «рыльце в пуху», но вовремя поправился, помня обидчивый характер не знающего меры секретаря по идеологии.

– Ладно, ты это, с больной-то головы на здоровую не вали. Не обо мне сейчас речь, а о твоей газете, – сбавил тон Валентин Фёдорович.

– А что о газете? Газета, как газета. Сегодня вот очень актуальный материал опубликовала о том, как слава людей может портить.

– Да не о славе речь, а о том, что ты светлый образ передовиков очерняешь.

– А о своём светлом образе пусть они сами лучше пекутся и не позволяют себе многодневные запои. Там именно об этом речь. И ещё, так, между делом – не поставь я этот материал в нашу газету, Вадим бы её через своего заведующего кафедрой мог в «Крокодиле» опубликовать. Вот тогда бы мы на всю страну прогремели. И уже не обо мне речь шла, а о твоей должности и твоём партбилете. Ты этого хочешь?

– Ну-ну, разговорился. Ишь, умник какой нашёлся! В «Крокодиле» и без нас есть, кого критиковать.

– Есть-то есть, но такой материал в первый же номер бы поставили, да ещё с припиской, что именно на низком уровне поставленная идеологическая работа в районе потворствовала такому разгильдяйству. Понимаешь, в чей огород камень? Так что ты не орать должен, а парню руку пожать и поблагодарить, что он у нас напечатал, а не в «Крокодиле». Будь здоров!

И Василий Дмитриевич положил трубку.

– Ой как Вы, Василий Дмитриевич, с самим Валентином Фёдоровичем-то разговариваете! – с осуждением сказал Николай Семёнович.

– Нормально разговариваю, Николай Семёнович. Нормально. Просто зарвавшихся чиновников надо ставить на место, а не лебезить перед ними. И тебе то же самое советую делать, а не пресмыкаться перед каждым инструктором. Вот тогда уважать будут.

– Да я и без того не жалуюсь, и так уважают.

– Тебя в райкоме не только за передовицы твои, за твёрдость характера должны уважать.

Повернулся к Вадиму:

– Есть пара минут? Пошли ко мне, разговор есть.

– Всё слышал? – спросил редактор, едва зашли в его отгороженный фанерной стенкой кабинет.

– Слышал, – кивнул головой Вадим.

– Это тоже урок. Да ты присаживайся, в ногах ведь правды нет. Если ты не разочаруешься в выбранной профессии, таких, я бы сказал, окриков, у тебя будет очень много. Главное, сохраняй спокойствие, это выводит кричащего из себя и даёт тебе в разговоре неоспоримое преимущество, подтверждает твою правоту. А крикуны были, есть и всегда будут. Увы, не многим дано пройти испытание властью над другими. Ну, а ты подумал над моим предложением?

– Над каким? – уточнил Вадим.

– Над вчерашним. Сделать серию очерков о людях глубинки. Можешь даже так и назвать «Люди добрые». Потому что все они действительно по натуре своей люди душевные, добрые. Только вот судьба у них сложилась особенная. Далеко не каждому такая под силу, а они выдюжили, сохранили стержень. Может, потому что добрые, а может, просто очень гордые. И эта гордость не позволила им сломаться. Так что, берёшься?

– Если смогу. Это ведь, как я понимаю, только профессионалу под силу, я же лишь начинаю.

– Я повторяю, ты материал набирай, фактуру, а потом всё осмыслишь и не торопясь напишешь. Я вчера с Вишневым разговаривал, он в субботу в баню приглашает. Ты как к бане относишься?

– Люблю попариться. Мы с ребятами каждую неделю обязательно в баню ходим. Возле Балтийского вокзала знатная банька.

– Вот и замечательно! Познакомлю, если произведёшь впечатление, сам пригласит пообщаться. Ему очень важно, чтобы про его исследования знали не только в нашем районе. Я же про друзей не пишу. Правило у меня такое в жизни. Николаю Семёновичу пока на глаза не показывайся, не бреди его душу. Дай ему успокоиться, он очень сильно переживает любой неловкий разговор с начальством. А пока можешь в библиотеку сходить, в Дом культуры, знакомься с людьми, девчонки там симпатичные работают. Кстати, Дом творчества у нас интересный. Короче, осваивайся. Ты у нас сегодня герой дня.

А завтра можешь съездить к нашему графу. Как раз райкомовская машина туда идёт. Платон Николаевич Зубов его зовут. Прелюбопытнейший человек, только вот о себе мало кому рассказывает. Сидел он как враг народа, вспоминать не любит. Может, тебе, как земляку, и откроется. Ленинградский он, правда, ещё в двадцатых посадили, много лет по колониям мотался. Образованный, из знатного рода по происхождению, но в общении простой, хотя белая кость видна. Это, брат, не скроешь! Никакая тюрьма его сломать не смогла. Дворянская кровь она и есть дворянская, одним словом – ваше благородие.

Ваше благородие

Граф колол дрова. Войдя через калитку, Вадим даже залюбовался этой работой. Колун легко взмывал над головой дровосека и под бодрое «Кхя-ах!» разваливал чурку надвое, а потом легко откалывал от половины аккуратные поленца. Выпрямившись, чтобы поставить на попа очередной кряж, граф заметил гостя и повернулся к нему. Толстый вязаный свитер не скрывал худобу высокого человека, в котором чувствовалась особая стать, действительно, этакая белая кость.

– Здравствуйте, ваше сиятельство! – с лёгким полупоклоном поздоровался Вадим. – Или Ваше благородие? Извините, не знаю, как правильно.

– И Вам не хворать, молодой человек. Чем обязан?

– Вот зашёл земляка повидать, – не зная, как начать разговор, сказал после непродолжительной паузы Вадим. – Вы же из Ленинграда?

– Я жил в Петрограде, – не очень любезно ответил хозяин. – Новое название появилось уже после меня.

– Извините! Значит, я не ошибся. Вы ведь Платон Николаевич Зубов?

– Имею честь. А Вы, молодой человек, простите, по какой надобности?

– Я Вадим Раевский, из Ленинграда. Студент. Здесь на практике в районной газете, узнал, что есть земляки, решил зайти познакомиться.

– Журналист, значит.

– Пока только практикант.

– Познакомиться, значит? Полюбопытствовать, как доживает свой век представитель русской интеллигенции? Из органов? – хозяин пристально посмотрел в глаза Вадима. – Вроде бы нет. Повидал я на своём веку тех, которые из органов. Думаю, с чего бы снова ко мне? Живу тихо-мирно, никого не трогаю, политикой не занимаюсь. Дровишками вот запасаюсь на будущий год. На морозе они ох как хорошо колются.

– Не тяжело в Вашем возрасте?

– Возраст, молодой человек, это больше от состояния души зависит, а не от записи в документах. Как, Вы говорите, Вас звать-величать?

– Вадим. Вадим Раевский.

– Из каких Раевских быть изволите? Фамилия довольно известная.

– Отец Альберт Львович Раевский – профессор Ленинградского университета. Философию преподаёт, мама уже на пенсии.

– Это не Льва ли Адамовича Раевского внук? Имел честь в студенчестве Вашего деда лекции слушать. Великого ума был человек! Революция его вроде бы не коснулась. Он же в Финляндию эмигрировал. А как Вы, молодой человек, на этой стороне оказались?

– Так получилось, что дед на даче своей жил в Куоккала, на финской стороне, а мой отец в Ленинграде. У деда же квартира была на Васильевском, на углу Малого проспекта и Четвёртой линии. Может быть, знаете?

– Как не знать? По большей части там раньше немцы проживали, больница была для душевнобольных, женская гимназия, доходные дома. Там квартиры снимали многие российские знаменитости. Профессора Сеченов, Павлов, художники Шишкин, Маковский, Васнецов, Репин.

– Именно Илья Ефимович и рекомендовал моему деду приобрести дачу в Куоккала. Они там почти соседями были.

– Похоже на правду. В таком случае пройдёмте в дом, молодой человек. Что мы тут на морозе стоим? Только не обессудьте, убранство у меня деревенское. Впрочем, Вам тоже дедовское наследство вряд ли досталось.

– Дедовскую квартиру надвое разделили. Он хоть и проживал в Куоккала, но до самой смерти оставался профессором Ленинградского университета. Правда, был также профессором Хельсинкского (Александровского) университета. А бабушка так в Ленинграде и жила. А Вы когда из Ленинграда, извините, Петрограда, уехали?

– Если быть точным, не уехал, а увезён. И не по своей воле. Вы, должно быть, слышали про философский пароход?

– Да кто же об этом не знает?

– Не скажите, не скажите, Вадим Альбертович. Так ведь Вас, кажется, величают? Уверен, что здесь про этот пароход никто ни сном ни духом. Сейчас я самоварчик поставлю, и мы с Вами продолжим беседу, а Вы пока располагайтесь. Полушубок можно вот сюда повесить.

Вадим повесил выданный ему Василием Дмитриевичем полушубок и начал осматриваться. Все стены деревенского дома, не отличающегося снаружи от других, были увешаны пейзажами. В основном на картинах был изображён летний полдень, и лишь на некоторых – ранняя весна, когда на деревьях только-только начинают расправляться листочки.

– Вы все эти акварели из Петрограда привезли?

– Наивный Вы человек, Вадим Альбертович! Уж простите за прямоту! Вы что думаете, я из Петрограда вот так прямо сюда и приехал по собственной воле, потому что мне деревенской тишины захотелось? Это я здесь сам написал.

– Простите, а в Доме культуры в райцентре, в библиотеке тоже Ваши работы?

– Не только мои. В районе ещё один самодеятельный художник проживает. Талант у человека от Бога, вот только ему бы образованности побольше, но не получилось. Виделись мы с ним как-то, признался, что из-за пагубного пристрастия к алкоголю его из Репинского училища исключили. Тут, знаете ли, удивительно много талантливых людей! А я, прежде чем здесь оказаться, ещё ведь много где побывал. Помотала судьба по России-матушке! Я Вам про философский пароход начал. В 1922 году Ленин распорядился выслать из страны более двухсот представителей русской интеллигенции, в основном гуманитарной профессии. Как писал Лейба Давидович Бронштейн, он же Лев Троцкий, мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно. Все эти люди без восторга приняли Октябрьскую революцию, это были учёные, литераторы, врачи, профессора, инженеры, юристы. Удивительно, что в этом списке не оказалось Вашего деда! Впрочем, очевидно, не успел высказаться против большевиков. Вот эти две сотни и выслали на пароходе, который потом назвали философским. Хотя философов там и было всего ничего. Два рейса они из Петрограда в Штеттин сделали, а ещё многих сослали в отдалённые районы. Моего брата в Иркутскую губернию сослали, а меня – на Свирь. План ГОЭЛРО надо было выполнять, а я же инженер, там как раз две станции этим планом строить затеяли.

– Вы против большевиков выступали?

– Молодой человек! – запальчиво сказал граф. – Я простой инженер, ни против кого не выступал. Да и брат мой тоже ни в какие реакционные организации не входил. Мне тогда казалось, что просто новая власть, хоть и была она очень образованной по своему составу, людей образованных боялась. С одной стороны, борьба с безграмотностью велась, а с другой – образованных не очень жаловали. Вот брата вместе с другими такими же выслали, а меня убрали подальше, чтобы использовать, как это можно выразиться, с большей для молодой республики пользой. Думаю, роковое значение имела просто фамилия.

– Извините за любопытство! У меня всё в памяти вертится Ваше имя – Платон Николаевич Зубов. Ваш тёзка Платон Зубов ведь был последним фаворитом Екатерины Второй. Один из активных участников заговора против Павла, вроде бы даже его убийца. Они с младшим братом Николаем этот переворот осуществляли. Или я что-то путаю?

– Всё верно, Вадим Альбертович! Мои далёкие предки как раз и были теми самыми фаворитами. Платон же был одним из богатейших людей России в начале XIX века. Импера-

трица своих фаворитов богато одаривала. И чем старше становилась, тем дороже любовь оплачивала. А Платон Александрович в последний период её жизни власть имел огромную. Все перед ним заискивали, боялись, может, потому взошедший на престол Александр его и отстранил, хотя, по сути, Зубовы ему власть в руки дали, совершив гнусное убийство Павла прямо в его опочивальне. Верно, побоялся, что и его так же могут однажды. Отстранил от двора, но имущество сохранил, не тронул. Как гласит семейное предание, к пятидесяти годам Платон Александрович выглядел глубоким стариком, тем не менее женился на девятнадцатилетней красавице. Хотя злые языки утверждали, что он её купил за миллион рублей. Но прожил с молодой женой всего два года. Вскоре после смерти Платона родилась его дочь. Мои же предки были по линии одного из его внебрачных детей, они носили его фамилию и жили не бедствуя, ибо каждому из своих рождённых на стороне отпрысков любвеобильный папаша отписывал по миллиону. Но деньги деньгами, а титул в этих случаях не передавался, так что напрасно Вы, Вадим Альбертович, меня сиятельством да благородием величаете. Не по чину! Да и по жизни обращались ко мне всё больше гражданин Зубов. До товарищей я ведь так и не дослужался. Можно сказать, всю жизнь вне закона.

– Платон Николаевич, Вы сказали, что Вас отправили на строительство электростанций. Но ведь здесь, в районе, вроде бы нет станций?

– Здесь нет, сюда меня уже много позднее определили. Сначала был Свирьстрой. Я на Путиловском заводе работал, знаете такой?

– Обижаете, Платон Николаевич! Теперь это Кировский завод, до убийства Кирова был «Красным путиловцем». Я после первого курса как раз там в многотиражке первую практику проходил.

– Вот на Путиловском заводе я и работал. При должности был. В те времена ведь инженеров по пальцам сосчитать можно было. А когда брата из Петрограда выслали, за мной тоже пригляд особый был определён. И не только из-за брата, а из-за происхождения. Коли кто-то из предков в графах ходил, значит, и потомки по определению должны быть врагами пролетарского государства.

– Как за врагом народа пригляд?

– Ну, тогда ещё врагами народа не называли. Этот термин много позднее придумали. На Путиловском хоть и начали тогда трактора делать, но ведь этот завод издавна имел военное назначение, артиллерийские орудия изготавливал, броневики, бронепоезда оснащал. А допустимо ли иметь на оборонном заводе неблагонадёжных элементов? Пусть и под присмотром. Вот меня и определили на Свирь станцию строить. Их там две было запланировано. Собственно, те проекты ещё до революции разрабатывались, да всё время что-то мешало: то империалистическая, то революции. А проект был придуман замечательный – построить плотины на реке с её быстрым течением, где полно порогов, и таким образом решить сразу две задачи: наладить нормальное судоходство и получать электроэнергию для Петрограда. Вот меня к этому проекту, про который многие знали, и пристроили. Дело было очень серьёзное, проект контролировал Совнарком. Сам Киров осматривал место будущей стройки.

Эх, скажу я Вам, такого энтузиазма я нигде больше не видел. Там очень сложные условия были. Приехал американский консультант, который больше полусотни гидростанций построил, и засомневался. Мол, может быть, вам тут и удастся что-то построить, только вы сами все к тому времени седыми стариками станете. Назвал проект технической авантюрой, равносильной технической катастрофе. А ведь построили, по сути, вручную плотину возвели. Там до 15 тысяч человек работали, в том числе из Финляндии. Были и заключённые. Вот, наверное, тогда и пришла в головы руководства страны идея использовать на крупнейших объектах бесплатный труд заключённых.

В их числе оказался и я, якобы за какое-то умышленное вредительство. А со Свири попал я на Беломорканал. Собственно, ни в Свирьстрое, ни на Беломорканале лопатой я не работал,

грамотные инженеры были нужнее землекопов. Я был подключён к проекту, который, опять же, должен заметить, ещё Петром Первым затевался. Потом в разные годы четыре варианта предлагалось, даже граф Бенкендорф свой план предлагал в 1800 году, но все они царским правительством отвергались из-за дороговизны. А при Советах, когда на строительстве станций на Свири одному из руководителей ОГПУ по фамилии Френкель пришла идея использовать бесплатный труд заключённых, затраты могли быть сведены к минимуму. Вот тогда проект и подняли. И ведь сделали то, что двести лет своего срока ждало.

Мне там на всю жизнь один плакат запомнился. На нём красным цветом силуэты двух работающих. Один из них – сварщик в брезентовом фартуке с кусками арматуры в руках, второй лопатой роет землю. И текст: «Каналоармеец! От жаркой работы растает твой срок». Этот плакат напоминал, что два дня ударной работы засчитываются за три дня отсидки. Таким образом, стимулировали не отлынивать.

– Не обманули?

– Нет, обмана не было. Действительно, в июне по каналу прошёл пароход «Чекист», вскоре по всему маршруту лично проехал сам Сталин, в августе около двенадцати тысяч заключённых получили амнистию, а ещё шестидесяти тысячам сократили сроки.

– Вы так хорошо всё помните...

– Эх, молодой человек! Так ведь я же это не из газет узнал, это через мою жизнь прошло.

– По «Голосу Америки» слышал отрывки из романа Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Там, правда, десятки тысяч заключённых умирали от голода и холода?

– Я голоса не слушаю, поэтому не могу знать, что там зачитывают. Люди, конечно, погибали. Где-то по два процента в год, но ведь и на воле естественная убыль примерно такая же. И дети мрут, и особенно старики. Одни от болезней, другие от старости, только почему-то говорят всё про смертность в лагерях. А там действительно в последний год строительства смертность выросла сильно, из-за авральных работ, из-за повсеместного голода в стране, ибо на канале по той же причине паёк был урезан. Вот тогда смертность подскочила до десяти процентов. Но, смею Вам заметить, за смертность в лагере начальство строго наказывали, ведь план надо было выполнять. Правда, по окончании работ и жаловали. Канал построили меньше чем за два года, так что высших руководителей даже орденами наградили. Из наших, из инженеров, что срок отбывали, тоже многих амнистировали и даже, Вы не поверите, двоих орденом Ленина наградили. Вержбицкого и Жука. Это было невообразимо, чтобы заключённых и вдруг – орденом. Невообразимо, но факт.

– Вы их лично знали?

– А как же? В одной команде работали.

– А Вы что?

– А что я? Мне срок хоть и сократили, но не амнистировали. Меня отправили на строительство Байкало-Амурской магистрали, где тоже была нехватка опытных инженеров-строителей.

– Платон Николаевич, извините, но БАМ только в прошлом году стал Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

– Это комсомольской он стал в прошлом году, а сначала тоже был зековской. Это название ещё на Беломорканале появилось, означало заключённый каналостроитель. Сокращённо во всех отчётах писали ЗК. Так и пошло – зэка да зэка. Так вот эти самые зэка и начали БАМ строить ещё задолго до войны. А проекты тоже ещё с прошлого века существовали. Причём не только БАМа, но и железной дороги вдоль Северного Ледовитого океана. И проекты были, и даже акционерное общество создавалось. Но опять же, специалисты пришли к выводу, что хоть БАМ и нужен, денег на такое сложное сооружение в непроходимой тайге нет, как нет техники и людей. А вот северную дорогу строить хотели. Но Первая мировая помешала, потом – революции. А сами проекты хранились опять же до поры до времени. По завершении Беломорканала

был создан Бамлаг, и повезли туда заключённых. А наша группа ещё до того была передана особому управлению ОГПУ для координации проекта с учётом проводимой аэрофотосъёмки в районах, где обычным способом сделать изыскания было практически невозможно.

– Интересные Вы вещи рассказываете.

– А Вы, Вадим Альбертович, запоминайте, в жизни, может быть, и пригодится. Не уверен, что архивы откроют, а если и случится, то не скоро. А я, уж коли разговорился с Вами, откроюсь. Впрочем, самовар у меня давно уж и погас. Давайте-ка я его заново растоплю, да и продолжим беседу. Мне ведь все эти годы и рассказать это было некому. Здешним не интересно, а приезжал как-то журналист из Вологды, так он всё расспрашивал, каково графу в деревне жилось. Всё пытался меня на одну параллель с Толстым вывести, мол, тот граф в народ пошёл, и я, выходит, по его стопам решил. А невдомёк писателю, что Толстой, может, с жиру бесился, наскучил ему высший свет, решил с простыми мужиками пообщаться. Меня же за ворот из привычной среды вырвали да в лагерь бросили. А там всяко бывало. И после Бамлага я уже вольнонаёмным согласился остаться. Всё одно, думаю, куда мне податься?

– Но в Ленинграде же наверняка жена ждала, дети?

– Да не сподобил Господь семьёй обзавестись. Молодой был, всё откладывал, а потом – лагерь. Какая там женитьба? Я ведь почему в Петербург не вернулся? Слышал, что в нашем доме конторы разные разместились, а в доходном доме, или, как теперь говорят, в общежитии, мне бы не выжить было. Насмотрелся я на таких, кто в этих общежитиях жил, а потом к нам попадал. Пьянь сплошная. Ведь социальная среда личность формирует. Среди обшарпанных стен да колченогих табуреток, среди бытовой неустроенности деградация человека быстро идёт. К тому же в Петербурге каждый дом про былое напоминать стал бы, сердце рвать. А в лагере уже всё привычно, да и при моей должности жизнь у меня была не такая, как у простых эка. Я потом уже начальником проектного отдела был, и жильё отдельное, хоть и на зоне, и кормёжка другая. Вообще, надо признать, заключённые в бытовом плане жили лучше вольнонаёмных. Тем самым всё надо было организовывать, а заключённого накормят, напоят, в баню сводят, одежду справят. И за качеством кормёжки контроль строгий был, ибо с начальника лагеря за план строго спрашивали. Поэтому ему нужны были здоровые и накормленные работники.

– Вы так говорите, будто там не зона была, а санаторий.

– Эх Вы, молодой человек, хватили. Конечно, зона есть зона. Но у вольноопределяющихся жизнь была, я Вам честно скажу, куда хуже. Это я потом на своей шкуре испытал в полной мере. Знаете ли, привык, что от тебя работу требуют, а всё остальное тебя не касается, все бытовые проблемы за тебя кто-то решает. Лучше ли, хуже ли, но решает. А тут всё самому приходится. От продуктов до одежды и крыши над головой.

– Да, но вольнонаёмному, имея хотя бы комнату в общежитии, можно жениться, всё равно вдвоём жить легче и проще.

– Жениться, говорите? А на ком, простите?

– А там в посёлках, в городах разве гражданского населения не было?

– На БАМе ведь и посёлков по сути не было. По глухой тайге дорогу вели. Из кого там невесту выбирать? Так бобылём жизнь и прожил.

– А как же Вы здесь оказались?

– А поехал я всё же в Петербург. И пока ехал, война началась. Меня в Вологде при проверке документов с поезда сняли для уточнения личности. Документы у меня, сами понимаете, много вопросов вызывать могли. Срок отбывал по 58-й, значит, неблагонадёжный, не с диверсионными ли целями в Ленинград пробираюсь. Туда же немцы изо всех сил рвутся. Оставили в Вологде, на работу устроился – жить ведь как-то надо. Только заводы все на оборонные заказы переходят, политическому там быть не желательно, помыкался, помыкался, а когда ответ на запрос из Сибири пришёл, что документы в порядке, уже блокада началась. Обратно

ехать никакой возможности – все пути забиты, заводы на Восток эвакуируют. Вот и присоветовал мне майор от греха подальше ехать в деревню. У него родители из этих мест были, так я здесь и оказался.

– И что Вы тут с Вашим богатейшим инженерным опытом делали?

– А на что здесь мой инженерный опыт? То и делал, что все делают. Лес валил, летом его по реке сплавлял, на пилораме трудился. Были бы руки, а работа найдётся. Это я теперь уже ни на что не гош.

– Видел я, как Вы дрова колете! – с восхищением сказал Вадим. – Сила ещё та!

– Сила, конечно, ещё есть, но сердчишко уже подводит. Это я так, чтобы слабину организму не давать, бодрюсь. Но помногу уже работать не могу. Вот картинками больше забавляюсь. Эх, опять мы с Вами про самовар забыли! Так ведь не солоно хлебавши и уйдёте.

– Да спасибо, я за Вашими рассказами про еду даже не вспомнил. Вы же удивительный человек!

– Вот я Вам сейчас одного здешнего назову, вот действительно человек удивительный! А я что? Я вчерашний день, я своё отжил.

– Не скажите! – запротестовал Вадим. – И уважают Вас здесь. Иначе, как графом, и не называют.

– Это ведь графом можно и в насмешку.

– Нет, именно с уважением называют. Наш граф, говорят.

– Полно Вам, Вадим Альбертович, славословить! Мне это уже ни к чему. Давайте лучше пообедаем. Не обессудьте, но повар из меня так и не получился. Просто складываю продукты в чугунок, ставлю в печь, вот и вся кулинария.

Жаркое из русской печи оказалось удивительно вкусным. Вадим несколько раз похвалил кулинарные способности хозяина, но тот в ответ лишь благодарно кивал головой. Ели молча. Потом так же молча пили чай. В заварник хозяин добавил смородинового листа и мяты. Получилось очень ароматно.

– Когда домой намерены? – спросил граф, убирая со стола посуду.

– Ещё две недели практики осталось, потом и поеду.

– Изменился, наверное, Петербург.

– Изменился, конечно. Особенно окраины. А Вы когда в последний раз там были?

– А я, дорогой мой Вадим Альбертович, с молодости и не бывал больше. Боюсь воспоминаний! Это ведь, наверное, как с первой любовью через полвека встретиться. Помнишь её молодой, красивой, а видишь перед собой сгорбленную старушку.

– Нет, Ленинград на сгорбленную старушку не похож. Там многое в войну было разрушено, но восстановлено. Даже дворцы в пригородах и то восстанавливаются. Правда, очень медленно. Приезжайте летом. У нас остановитесь, я Вам экскурсии устраивать буду. Хотя, я думаю, Вы и так всё хорошо помните.

– А ведь и вправду помню. Ну-ка подождите, я Вам сейчас что-то покажу.

Хозяин вышел в другую комнату и через несколько минут вернулся с кипой листов бумаги в руках.

– Вот, гляньте, узнаете ли хоть что-либо.

Он начал выкладывать на стол акварели с видами Ленинграда, Пушкино, Павловска, Стрельни, Екатерининского дворца.

– А вот это узнаете? Или уже нет собора? Порушили вместе с другими?

– Так это же Андреевский собор! Конечно, узнаю. Стоит красавец, стоит, отреставрирован, сверкает шпилями.

– Правильно, собор Святого Апостола Андрея Первозванного. В нём меня крестили, а жили мы на соседней, восьмой линии, в доходном доме Долгополова.

– Шесть этажей. Старинный лифт, какие ещё сохранились во многих домах Васильевского острова. Вы не поверите, но я даже бывал в этом доме. В нём у своего брата два года гостил Осип Мандельштам. И именно в этом доме он написал:

Я вернулся в мой город, знакомый до слёз,
До прожилок, до детских припухших желёз.
Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,
Узнавай же скорее декабрьский денёк,
Где к зловещему дёгтю подмешан желток.
Петербург! Я ещё не хочу умирать!
У тебя телефонов моих номера.
Петербург! У меня ещё есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.
Я на лестнице чёрной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,
И всю ночь напролёт жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

– Очень трогательное стихотворение! – сказал граф и, отвернувшись к окну, вытер набежавшие слёзы. – А знаете, я, пожалуй, и вправду летом приеду. Разбредили Вы мне воспоминания. Всенепременно приеду и обязательно воспользуюсь Вашим гостеприимством. Я не стану Вам докучать, так, на пару дней, пройтись по Васильевскому, по Невскому, навестить на Волковском кладбище могилы маменьки и папеньки.

Это маменьки и папеньки из уст пожилого человека прозвучало очень трогательно. И Вадим поспешил подтвердить:

– Вы обязательно приезжайте, вот наш адрес. – Вадим достал блокнот и записал ленинградский адрес. – Папа будет очень рад познакомиться с человеком, который слушал лекции нашего деда. Обязательно приезжайте.

– А позвольте, молодой человек, я Вам на память эту акварель подарю.

Платон Николаевич взял со стола и протянул Вадиму рисунок Андреевского собора.

– Нет, нет, что Вы! – запротестовал Вадим. – Я не могу взять такую дорогую для Вас работу! Это же такая для Вас память, поскольку Вас именно в этом соборе крестили. Нет и ещё раз нет!

– Тогда возьмите вот этот пейзаж.

Платон Николаевич снял со стены вставленную в рамку за стеклом акварель с видом цветущей яблони на краю лесного озера и протянул гостю.

– Спасибо огромное, Платон Николаевич! Это очень дорогой для меня подарок. Честное слово! А скажите, почему Вы рисуете только весну и лето?

– Знаете ли, я не люблю зиму. Именно зиму пережить в лагерях было труднее всего. Отсюда и нелюбовь моя к этому времени года. А осень? Осень, знаете ли, пора увядания... А так ещё не хочется, чтобы всё кончалось. Душа хочет возврата молодости, сопротивляется времени, потому и рисую весну, и люблю весну. Берите на память. Я буду рад, что доставил Вам удовольствие. Заметил, что именно на эту работу Вы то и дело засматривались.

* * *

Через три дня Вадим узнал, что Платон Николаевич никогда не сможет приехать в Ленинград. Его сердце остановилось через несколько часов после их встречи.

Потенциал

После душевной беседы с графом Вадим отправился в контору леспромхоза. Толкнулся в кабинет директора, дверь оказалась на замке. Ильича тоже на месте не оказалось. Женщина в бухгалтерии объяснила:

– Ильич в столовую пошёл по поводу ужина распорядиться и на нижнем складе проконтролировать, чтобы всё было нормально, если вдруг начальство туда захочет съездить. Так что его Вам точно не разыскать. А Иван Васильевич, кажется, домой отправился. Сказал, что сегодня здесь больше не появится. Вам лучше прямо к нему домой сходить. Это совсем рядом. Вот сейчас по улице налево, третий двухквартирный дом. Крыльцо с этой стороны. Там дверь такая ярко-синяя, не перепутаете.

Поблагодарив женщину, Вадим без труда нашёл нужный дом, постучался в окрашенную яркой синей краской дощатую дверь. Никто не откликнулся, Вадим потянул ручку на себя, дверь оказалась незапертой, и он вошёл в тесный коридорчик, из которого влево уходил узенький проход. Вадим снова постучался теперь уже в обитую дерматином дверь. Стук получился глухим и вряд ли слышимым внутри. Он постучался в ободверину и услышал: «Входите! Не заперто».

В прихожей Вадима встретила высокая с очень добрыми глазами дама, одетая в платье с кружевами на вороте и рукавах.

– Прямо как учительница, – почему-то пришло на ум сравнение со своими школьными учителями, всегда одетыми в строгие костюмы или похожие на это платья.

– Здравствуйте! – поздоровался Вадим. – Иван Васильевич здесь живёт? Мне в конторе сказали, что он вроде бы должен быть дома.

– Здесь, здесь, проходите, молодой человек, снимайте полшубок и проходите в комнату. Иван Васильевич сейчас освободится. И прошу меня извинить, я тут обедом занята. Иван Васильевич сказал – гости будут. Вы, наверняка, один из них. Простите, что ещё не готово! Да Вы проходите в комнату, не стесняйтесь. Будьте как дома. Там пока журналы можете посмотреть, газеты свежие только что принесли.

Вадим прошёл в гостиную, сел на диван, взял с журнального столика свежий номер районки, которую ещё не видел, потому что утром не заходил в редакцию. Из-за одной из дверей доносилась негромкая музыка и скрип, похожий на тот, что раздаётся от раскачиваемой телами кровати. И вдруг Вадим услышал доносившийся оттуда же женский стон. Это явно был стон наслаждения. Причём наслаждения, получаемого только в постели. На первом курсе у него одно время была подруга, которая во время занятий любовью стонала точно так же. Сладко и протяжно, и острыми ноготками впивалась ему в спину.

Минут через пять оттуда вышел Иван Васильевич, на ходу заправляя в брюки рубашку.

– А-а, ты уже тут? Анатолий Степанович ещё не приехал?

– Пока не было.

– Ну как? Был на лесоповале, как ты говоришь?

– Да, спасибо! Денис Ильич свозил, всё показал, для репортажа много снимков сделал, с передовиками вашими пообщался.

– Передовиков у нас хватает. Распопова видел?

– Да, и фотографировал даже.

– Неужели от работы оторвался? Обычно его от пилы не оторвать. Иногда кажется, что он и в постель ложится не с женой, а со своей «Дружкой». Вот ты гляди, на вид сморчок сморчком, а жилистый. Он ведь меньше двух норм не делает. Мы с ног сбились, пока ему бригаду сформировали. Этот лодырь, тот лентяй, тот неваровый, у четвёртого руки не из того места растут. Зато теперь там все как на подбор, оттого и результаты. Лучшая в области бригада.

В это время из комнаты, пытаясь не обращать на себя внимания, проскользнула в гостиную и сразу же направилась к выходу молодая миловидная женщина. Встретившись с взглядом гостя, улыбнулась ему и кокетливо бросила:

– Здрра-асссьте!

– Здравствуйте! – запоздало поздоровался Вадим.

Хозяин, не обращая внимания на проскользнувшую мимо женщину, продолжал с нескрываемой гордостью рассказывать про бригаду, которой явно гордился, как гордятся собственными одарёнными детьми. А из кухни-прихожей послышалось:

– Что же это Вы, Светочка Сергеевна, уже уходите? Посидите с нами, скоро районное начальство приедет, посидим по-домашнему.

– Спасибо, Варвара Петровна, некогда мне. Сегодня ещё тетрадей кучу проверить надо и планы на завтра писать. Каждый раз ума не приложу, чем бы ещё интересным ребятишек завлечь.

– Ну, завлечь-то Вы, Светочка Петровна, всегда найдёте чем! Вы у нас такая выдумщица!

– Ой, скажете тоже!

– Выдумщица, выдумщица! Я всё время думаю, откуда в Вас столько всяких идей. Потому и дети Вас любят.

– Спасибо, Варвара Петровна! До свидания!

– Заходите!

– Учительница наша, молодой специалист. На три года после института по направлению приехала, – пояснил Иван Васильевич. – Вместе с моей Варварой работают. Вот на консультации забегает.

– Очень уж консультации какие-то странные, – подумал Вадим. – И даёт их почему-то сам директор лесопункта. Да так даёт, что кровать скрипит, и стоны раздаются.

– У нас тут много хороших тружеников, – продолжал директор. – Вообще, народ здесь хороший. Добрый народ. Бывает, конечно, поссорятся. Как без этого? С полочки мужики даже кулаками машут, но наутро мирятся, на рыбалку, на охоту вместе идут. Тут у нас все, как одна семья. Это вы в большом городе друг друга сторонитесь, а здесь каждый каждому сват и брат. У нас тут чужих-то, почитай, и нету. Все здесь родились, здесь и всю жизнь прожили. Ребята в армию сходят, обратно вертаются. Учатся заочно. Я вот тоже техникум заочно окончил. А из чужих, так врач или учительница приедут, отработают положенные три года – и к маме с папой. Мало кто остаётся, замуж разве за наших какая выскочит. Единственная возможность кадры закреплять. Ага! Вот и начальство приехало. Варварушка, у тебя там обед готов? Давай, родная, накрывай на стол. Помогии-ка мне, браток, – он взялся за край стоявшего в углу стола. – Давай его вот сюда, к дивану, переставим.

Пока хозяин встречал начальство, принимал верхнюю одежду, хозяйка успела накрыть стол скатертью, ловко расставить приборы.

– Всё хорошеешь, Варвара Петровна! – вместо приветствия сказал Анатолий Степанович. – Красавица ты наша!

– Да уж отцвела красавица! – со вздохом ответила хозяйка. – Пенсионерка уже.

– Да ладно тебе приbedняться! Пенсионерка она! Да такие пенсионерки десятку молодых фору дадут. Вот, Вадим, наша лучшая учительница.

– Ой, да прям-таки и лучшая! – зарделась хозяйка.

– Лучшая, лучшая! Вот если бы у нас конкурсы не только на звание «Лучшая доярка» и «Лучший механизатор» проводились, а среди педагогов тоже, ты бы всегда победительницей выходила. Слушай, Ильич, подай такую инициативу. А что? Если я на бюро предложу, могут и не услышать. А вот если инициатива снизу поступит, реагировать надо. И организуем мы первый в районе конкурс на звание «Лучший учитель». Что скажешь, Вадим? У вас, в Ленинграде, такие конкурсы проводят?

– Честное слово, не слышал, не задумывался.

– Вот никто не задумывается. А дело-то важное и нужное. Ладно, что там у тебя сегодня, Варвара Петровна? Чем на этот раз удивишь? Вот грибочки маринованные, например, лучше, чем у Варвары Петровны, ни у кого не пробовал. И соленья самые вкусные, и копченья.

– Копчениями у нас хозяин занимается, – попыталась уточнить хозяйка.

– Иван Васильевич? Да что он может? Он только и может, что командовать. А ты говоришь – копченья. Поди, стоит в стороне да указывает.

– Нет-нет, всё сам. И засаливает, и коптит. Вот в выходные опять мясо коптил, как знал, что дорогие гости будут. Вы присаживайтесь к столу, пожалуйста. Анатолий Степанович, вот сюда, на своё привычное место. Ильич, а ты что посреди комнаты стоишь, как не родной? И Вы, молодой человек, извините, мы с Вами так и не познакомились.

– Вадим.

– А меня Варвара Петровна.

– Очень приятно!

– Вот сюда, пожалуйста.

– Да ты сама-то садись, хватит уже суетиться.

– Да я вот тут, с краешку, чтобы удобнее, если что подать потребуется.

– Да тут и так всего полным-полно. Ну, Иван Васильевич, чего топчешься, неси давай.

С устатку-то.

Хозяин вышел и через минуту принёс с веранды бутылку водки.

– Да казённой у нас и дома полно. Ты не жмотничай, свою неси.

– Да я не жмотничаю! Неловко как-то – гости дорогие, а я тут с самогонкой.

– Давай, давай, – засмеялся Анатолий Степанович. – А то мы твою самогонку не знаем!

Да никакая водка с ней не сравнится!

– Какую будем?

– «Жуковка» есть?

– А как же!

– Неси «жуковку». Вадим, ты когда-нибудь «жуковку» пробовал? Да ладно-ладно, знаю, что не пробовал. Вы там у себя в городе и понятия об этом не имеете. Это сам маршал Жуков рецепт придумал. Водка с чесноком. Все микробы убивает наповал! На фронте такая была особенно нужна, чтобы от простуды и от любой хвори помогала. Иван у нас на выдумки горазд! У него этих рецептов – не перепробовать. И с малиной, и с калиной, и смородиной. Но мне больше с чесноком нравится. Давай, за здоровье хозяйки! За тебя, дорогая наша Варвара Петровна!

Анатолий Степанович опрокинул стопку, одним глотком выпил содержимое, крикнул, занюхал кусочком хлеба.

– Хлеб здесь, Вадим, пекут отменный. Вот вроде во всех лесопунктах оборудование одинаковое поставили, а только здесь хлеб просто дивный получается. Ты понюхай, аромат какой! Такой я только из детства запомнил, когда мама из печи каравай доставала, вот точно такой же запах на весь дом был.

Вадим сделал глоток расхваливаемого высоким гостем напитка, но вкуса чеснока в нём не почувствовал.

– Да что ты там лижешь? У нас так не принято. Сел за стол, давай вместе со всеми, не сачкуй.

– Извините, не привык я такими дозами.

– Ничего, привыкнешь! Вон какой бугай, а будто институтка какая жеманишься. Водку не пригублять надо, а залпом. Видел, как я? Вот давай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.